
СРАЖЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ БЕЛОРУССИИ

К началу 1944 г. на центральном участке советско-германского фронта для Вооруженных сил СССР создалась благоприятная обстановка. Тем не менее при планировании зимне-весенней кампании Ставка ВГК предпочла активизировать наступательные действия на северо-западном и юго-западном направлениях. Войскам же на центральном участке советско-германского фронта отводилась вспомогательная роль: проведение ряда операций с ограниченными целями с тем, чтобы лишить командование немецкой группы армий «Центр» маневра, а значит, и возможности привлечь силы с других направлений для отражения удара прежде всего на Правобережной Украине.

Исходя из общих политических и стратегических целей, Ставка ВГК определила задачи 1-му Прибалтийскому, Западному и Белорусскому фронтам: продолжить начатые еще осенью 1943 г. наступательные операции по освобождению восточных областей Белоруссии и выйти на рубеж Полоцк — Лепель — Могилев — Птичь. Общая глубина планируемого продвижения на запад не превышала 50–150 км.

В свою очередь, германское командование стремилось удержать оккупированную часть Белоруссии, надежно прикрыть важнейшее направление, выводящее к границам Польши и Восточной Пруссии, сочетая активные оборонительные действия с наступлением. Здесь располагалась группа армий «Центр» в составе 3-й танковой, 4, 9 и 2-й армий при поддержке 6-го воздушного флота. Всего в нее входило 63 дивизии, в том числе шесть танковых, три моторизованные, одна пехотная бригада, четыре отдельных танковых батальона, 12 дивизионов штурмовых орудий¹. В войсках противника, которые насчитывали 1350 тыс. человек, на вооружении имелось 12 810 орудий и минометов, 630 танков и штурмовых орудий, 700 самолетов². Командующий генерал-фельдмаршал Э. Буш широко использовал боевые возможности новых типов танков, штурмовых орудий и самолетов. Группа армий «Центр», несмотря на прежние крупные поражения, надломившие боевой дух ее личного состава, все еще оставалась мощной военной машиной.

На западном направлении группе армий «Центр» в полосе между Невелем и р. Припять противостояли три советских фронта — 1-й Прибалтийский, Западный и Белорусский. В их составе имелось 15 общевойсковых и три воздушные армии. В полосе шириной 650 км было развернуто 135 стрелковых и девять кавалерийских дивизий, четыре танковых корпуса, шесть укрепленных районов, шесть стрелковых и 17 отдельных танковых бригад. Общая численность советских войск составляла 1580 тыс. человек. На их вооружении было 24 041 орудие и миномет, 1159 танков и САУ, 2443 боевых самолета³. Для содействия советским войскам планировались активные действия белорусских партизан. Они должны были провести операцию по подрыву железнодорожного полотна под условным названием «Зимний концерт»⁴.

Группа армий «Центр» по численности личного состава практически была равной трем советским фронтам, но она значительно уступала им в количестве артиллерийских орудий, танков и особенно самолетов.

1-й Прибалтийский фронт действовал на витебском направлении, Западный — на оршанском, а Белорусский — на бобруйском. Боевой дух советских войск был весьма высоким. Командованию фронтов приходилось учитывать, что те задачи, которые были определены Ставкой ВГК, предстояло выполнять без оперативной паузы, при невысокой укомплектованности личным составом, ограниченной обеспеченности их боеприпасами, горючим и другими материальными средствами.

В январе — феврале 1944 г. 1-й Прибалтийский фронт предпринял две попытки освободить Витебск. В ходе первой операции (с 3 по 18 января) его войска ценой больших потерь вклинились в оборону противника на северо-западе от этого города и перерезали шоссе Полоцк — Витебск. Вторая операция, проведенная с 3 по 16 февраля во взаимодействии с Западным фронтом, также не привела к успеху, но существенно истощила вражеские силы.

Не достигли ощутимого результата и действия войск Западного фронта: на витебском направлении — с 23 декабря 1943 г. по 6 января 1944 г. и с 29 февраля по 5 марта 1944 г.; на богушевском — с 8 по 24 января и с 21 по 29 марта; на оршанском — с 22 по 25 февраля и с 5 по 9 марта 1944 г.

На мозырском направлении войска Белорусского фронта 8 января нанесли сильный удар по флангам 2-й немецкой армии, 19 февраля — основные усилия были сконцентрированы в долине р. Березины, предприняв наступление на Бобруйск с юго-востока, а 21 февраля — с востока. Образованный 17 февраля 1944 г. в полосе между 1-м Украинским и Белорусским фронтами 2-й Белорусский фронт 15 марта начал Полесскую операцию с целью освобождения Ковеля, а в дальнейшем — прорыва к Бресту. 15 марта его войска окружили Ковель, но 23 марта противник нанес мощный контрудар и 4 апреля деблокировал ковельскую группировку.

На витебском направлении

По оценке Генерального штаба Красной армии на начало января 1944 г., германское командование обороне Витебска уделяло особое внимание⁵. Впоследствии маршал И. Х. Баграмян подтверждал, что «командование противника делало все возможное, чтобы укрепить... подступы к Витебску»⁶. Поэтому неслучайно на центральном участке советско-германского фронта Ставка ВГК главным определила именно витебское направление — кратчайший путь в Прибалтику и к Восточной Пруссии. Важность этого направления отмечают и немецкие историки, подчеркивая, что командование вермахта рассматривало стоящий на Двине Витебск как «ворота в Прибалтику», а «Красная армия использовала все имеющиеся силы, чтобы взять этот город»⁷.

Командование немецкой группы армий «Центр» считало, что необходимо во что бы то ни стало удержать занимаемый севернее и восточнее Витебска рубеж обороны. В этом районе были сосредоточены основные силы 3-й танковой армии: 15 дивизий, в том числе одна танковая, 17 отдельных дивизионов полевой артиллерии РК, шесть минометных батальонов, пять бригад штурмовых орудий, два батальона танков «тигр» и два дивизиона тяжелых противотанковых орудий⁸.

Несмотря на ряд предыдущих неудач, значительные потери в людях и военной технике, низкую укомплектованность соединений и частей, на начало 1944 г. германскому командованию все еще удавалось поддерживать достаточно высокую воинскую дисциплину среди своих войск, которые стойко удерживали занимаемые рубежи. И это, подчеркнем, несмотря на то что солдаты знали о не прекращавшемся отступлении вермахта на юге, которое, естественно, не прибавляло им оптимизма.

Танки Т-34 перед началом атаки. Январь 1944 г.

Митинг артиллеристов перед началом наступления. Январь 1944 г.

Немецкие противотанковые самоходные установки. Белоруссия, январь 1944 г.

Колонна немецкой пехоты выдвигается к линии фронта. Белоруссия, январь 1944 г.

Например, пленный обер-ефрейтор Э. Хауптег из 7-й роты 192-го пехотного полка 56-й пехотной дивизии на допросе показал: «Известия о наступлении русских на разных участках Восточного фронта и в особенности на Украине приводят всех в уныние»⁹.

Враг использовал каждый день для совершенствования своей обороны, которая состояла из трех рубежей. Особенно прочно в инженерном отношении был подготовлен первый оборонительный рубеж, состоявший из трех позиций, каждая из которых имела по три траншеи полного профиля¹⁰. На переднем крае были оборудованы траншеи полного профиля с открытыми пулеметными площадками, расположенными в 30–50 метрах одна от другой. Впереди, в 20–40 метрах, — проволочное заграждение. Перед ним на отдельных участках имелись рогатки, называемые немцами «фландрским забором». Между проволочными заграждениями и траншеями — минные поля, преимущественно противотанковые. В 40–50 метрах за траншеями были построены блиндажи в два-три наката, соединенные между собой ходами сообщения¹¹. За первой полосой в 300–700 метрах проходила вторая, а далее — третья. Перед ними также имелись проволочные заграждения, чаще всего прикрытые минными полями. Населенные пункты и высоты, расположенные в глубине обороны, почти на 8 км были подготовлены как взводные и ротные опорные пункты. Подступы к ним защищали инженерные заграждения¹².

В 10–15 км от первого заранее готовился в инженерном отношении и второй рубеж обороны, но, как правило, без заблаговременного занятия его войсками. Предполагалось, что в случае прорыва главного рубежа обороны этот, второй, под прикрытием арьергардов займут отходившие части и подразделения. Третий рубеж обороны, где сосредотачивались армейские резервы и различные специальные части, был оборудован на глубине от 16 до 25 км от переднего края. А такие крупные города, как Витебск, Орша, Могилев, Быхов, Рогачев, Жлобин, Калинковичи, Мозырь, были превращены в сильные узлы сопротивления, к тому же узлы железнодорожного и автомобильного транспорта¹³.

При создании противотанковой обороны противник строил несколько рубежей в глубину. Непосредственно в боевых порядках пехоты устанавливались 75-мм и 88-мм противотанковые орудия. Располагались они на открытых площадках с большим сектором обстрела (180–360 градусов). Местность перед огневыми позициями в большинстве случаев была заминирована¹⁴. Кроме того, для усиления артиллерийского огня привлекались полевая артиллерия калибра 105 мм и 150 мм и штурмовые орудия, которые имели пять-шесть заранее подготовленных огневых позиций¹⁵.

К началу января 1944 г. на витебском направлении действовали 1-й Прибалтийский и Западный фронты. В последующем была привлечена часть сил 2-го Прибалтийского фронта.

1-й Прибалтийский фронт (4-й ударная, 11-й гвардейская, 39-я, 43-я общевойсковые и 3-я воздушная армии) силами правого крыла еще 24 декабря 1943 г. овладел крупным опорным пунктом противника — г. Городок и подошел к железной дороге на участке Витебск — Полоцк. Войска левого крыла фронта находились в 15 км северо-восточнее и восточнее Витебска.

Западный фронт (5, 10, 31, 33, 49-я общевойсковые и 1-я воздушная армии) широкой полудугой охватывал группировку врага в районе Орши и Могилева.

В тылу группы армий «Центр» действовало 738 партизанских отрядов, насчитывавших в своих рядах 135 072 партизана, контролировавших важные дорожные коммуникации¹⁶. Так, на 15 января 1944 г. только в тылу 3-й немецкой танковой армии было 16 партизанских бригад общей численностью свыше 17 тыс. бойцов и командиров. Они имели на вооружении 9101 винтовку, 1577 автоматов, 699 пулеметов, 78 противотанковых ружей, 108 минометов, 19 орудий.

Для борьбы с партизанами командование вермахта было вынуждено привлекать в тыловых районах до восьми дивизий, а также большое число различных полицейских и охранных формирований. Первую карательную операцию против Полоцко-Лепельского партизанского края в Белоруссии с участием регулярных войск, с танками и артиллерией противник предпринял в январе, вторую — в апреле 1944 г.¹⁷

Против партизан были брошены части 252, 95, 56, 6-й пехотных дивизий, 201-я охранная дивизия, авиация и группа «Екельн». В ее составе боевые действия и карательные акции проводили 2-й Лиепайский, 3-й Цесисский полицейские полки при участии 5-го латышского пограничного полка и подразделения 15-й латышской дивизии СС¹⁸. Руководил операцией командующий 3-й танковой армией генерал Г. Рейнгардт. В результате ожесточенных и кровопролитных боев партизаны, прорвав блокаду, вышли в районы западнее и юго-западнее Ушачей.

К началу 1944 г. боевые действия переместились в центр полосы обороны 3-й немецкой танковой армии, где наступавшие соединения и части Красной армии стремились с востока прорваться к Витебску¹⁹. После войны бывший генерал вермахта К. Типпельскирх признавал, что «в первые месяцы нового года (1944 г. — *Прим. ред.*) незатухающим очагом боев был район Витебска. После того как русские в декабре вышли к дороге Полоцк — Витебск и приблизились к шоссе Псков — Киев и проходившей западнее него железной дороге, они предприняли две последовательные операции с целью овладеть Витебском путем охвата его с двух сторон. Первая операция с небольшими перерывами, которые были необходимы русским для замены потрепанных дивизий свежими, длилась с 3 по 18 января»²⁰.

По замыслу Ставки ВГК советские войска должны были разгромить витебскую группировку врага. Как предполагалось, наступление Красной армии на центральном участке советско-германского фронта должно было позитивно повлиять на развитие событий на Правобережной Украине, а также в районе Ленинграда и Новгорода, где происходили главные события зимне-весенней кампании 1944 г.

В соответствии с замыслом Витебскую наступательную операцию предполагалось осуществить силами 11-й гвардейской и 4-й ударной армий, а 39-й армии назначалось вести наступление на второстепенном направлении — юго-восточнее Витебска.

11-й гвардейской армии ставилась задача нанести удар по врагу в направлении Матрасы — Кухари и во взаимодействии с 4-й ударной армией окружить и уничтожить его группировку в районе Жигалово — Зароново — Дивульщина. Развивая наступление вдоль витебского шоссе, выйти в район Кисляки — Ворошилово и разгромить противника. Затем следовало занять рубеж (иск.) Сквиря, Михали²¹.

4-й ударной армии предстояло, упорно обороняя полоцкое и сиротинское направления, уничтожить шумилинскую группировку врага и не позднее 2 января освободить район Новоселки — Язвенка — Дворище. В дальнейшем предполагалось подготовить наступление южнее озера Зароновское с задачей во взаимодействии с 11-й гвардейской армией окружить и уничтожить противника, действовавшего на северном берегу этого озера, и выйти на рубеж Ольховники — Сквиря в готовности наступать на Витебск²². Затем обе армии, нанося удары на Сквирию, должны были разгромить витебскую группировку врага. Операцию предполагалось провести в течение трех — пяти дней.

К началу операции 20 км отделяли соединения и части 11-й гвардейской армии от Витебска. При этом командование фронта требовало вести активные наступательные действия, что было продиктовано общей обстановкой, выдвинувшей перед 1-м Прибалтийским и Западным фронтами задачу сковывания сил противника.

Однако при этом не учитывался ряд важных факторов. Войсковая разведка необходимых для наступления данных не добыла, авиаразведка из-за нелетной погоды также давала мало сведений. Передовые соединения и части сумели лишь «прощупать передний край противника огнем, разведкой боем и действиями разведывательных подразделений»²³. К тому же в некоторых соединениях разведка боем велась без тщательной подготовки и организации. Она часто не была обеспечена огневой поддержкой. Вследствие этого многие разведывательные действия заканчивались большими потерями.

Бывший командующий 11-й гвардейской армией генерал армии К. Н. Галицкий вспоминал, что в начале января 1944 г. армия «ни по наличию сил и средств, ни по степени подготовленности не была в состоянии осуществить решительное наступление на большую глубину... против сильного врага, опиравшегося на мощную оборону»²⁴.

В общей сложности перед фронтом 11-й гвардейской и 4-й ударной армий держали оборону восемь-девять дивизий противника с отдельными частями усиления²⁵. В такой обстановке Военный совет фронта распорядился создать во всех стрелковых полках из лучших подразделений по одному штурмовому батальону, усиленному 8—12 танками, 2—3 батареями 45-мм и 76-мм орудий, 1—2 122-мм орудиями и саперной ротой²⁶. Опыт применения таких батальонов по прорыву обороны противника целиком себя оправдал в боях в первой половине января и в феврале 1944 г.²⁷

3 января — первый день тщательно организованных боевых действий 4-й ударной армии — закончился успешным прорывом неприятельской обороны на глубину около 5 км. В дальнейшем наступление, особенно с выходом соединений и частей армии к рекам Пестуница и Заронок, замедлилось. На следующий день 4-я ударная армия, встретив мощное огневое сопротивление противника, успеха не имела²⁸. На всех участках враг отразил атаки, подбив 22 танка²⁹.

39-я армия начала наступление 5 января, но успеха не добилась³⁰. Вклинение подразделений армии через шоссе Витебск — Орша на запад было ликвидировано контратакой 1-го батальона 481-го гренадерского полка 256-й немецкой пехотной дивизии 3-й танковой армии³¹.

6 января стрелковые дивизии 11-й гвардейской армии совместно с бригадами 1-го танкового корпуса, введенными в качестве танков непосредственной поддержки пехоты, возобновили наступление на Витебск и на ряде участков продвинулись на 1—2 км³². 4-я ударная и 39-я армии в этот день также продолжили наступление. Однако на следующий день противник, действуя с заранее подготовленного оборонительного рубежа, сильным огнем артиллерии, в том числе многочисленных противотанковых орудий, нанес наступавшим частям серьезный урон, особенно в танках. Так, в 89-й танковой бригаде за два дня боев вышли из строя 43 из 50 боевых машин³³.

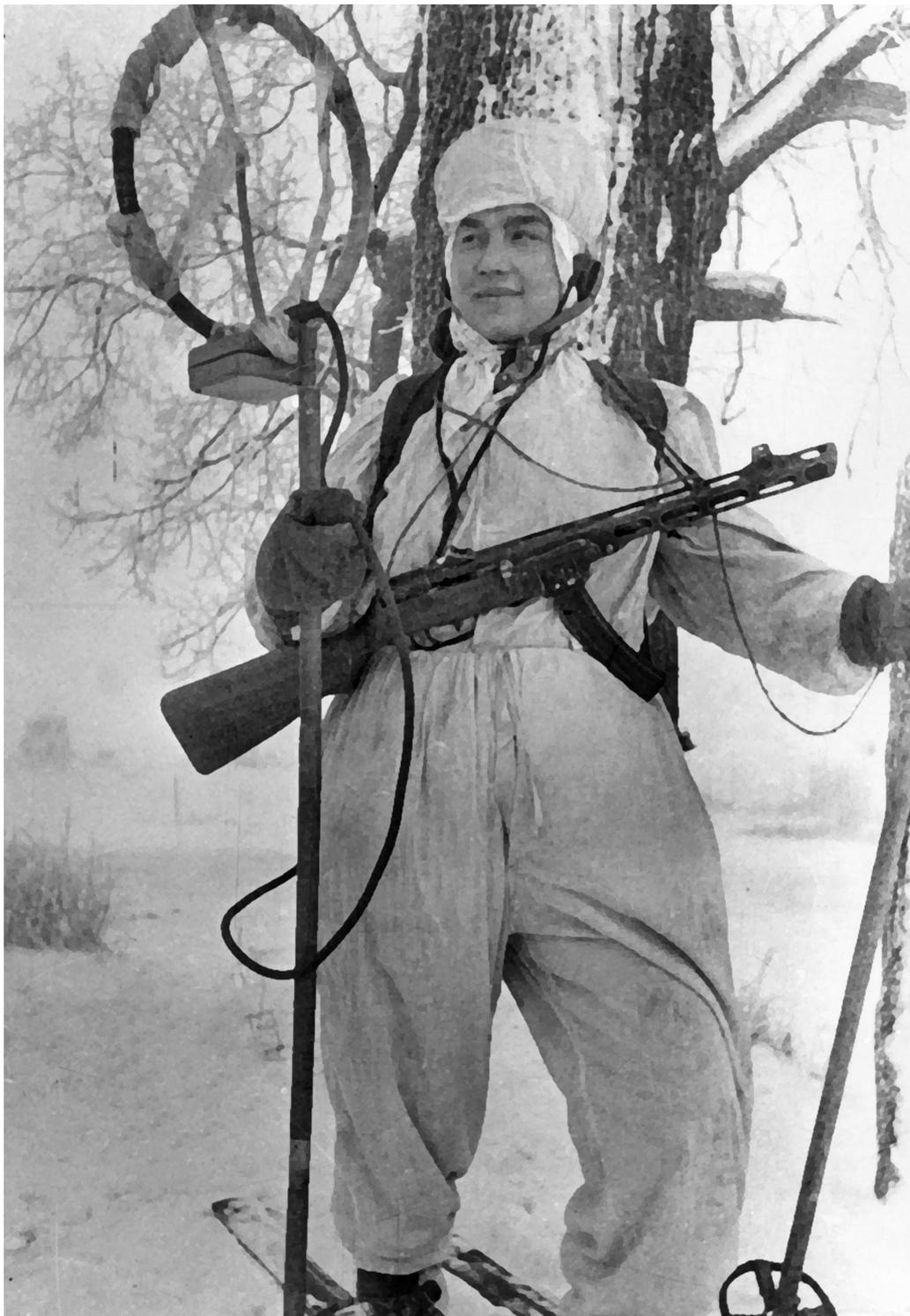
Наступательные бои приобретали все более ожесточенный характер. Маневрируя огневыми средствами, враг останавливал атакующих, прижимал их к земле, вынуждая отходить на исходные позиции. Серьезным препятствием для наступавших частей Красной армии стали широко используемые командованием 3-й немецкой танковой армии часто менявшие позиции отдельные танки, тяжелые минометы и орудия, выдвинутые для стрельбы прямой наводкой. Там, где советские части добивались успеха и продвигались вперед, противник немедленно предпринимал контратаки силами до батальона пехоты при поддержке 8—12 танков и штурмовых орудий. Причем обычно контратаки проводились одновременно на нескольких участках³⁴. В общем, враг любой ценой стремился удержать занимаемые рубежи обороны и не допустить развития прорыва советских войск.

10 января советские войска вновь предприняли юго-восточнее Витебска несколько атак вдоль шоссе по направлению на Замошненцы, но оборонявшийся там пехотный батальон врага при поддержке танков и штурмовой авиации их отразил.

На северном и северо-западном участках 1-го Прибалтийского фронта успеха также добиться не удалось. В тот же день Военный совет фронта издал директиву, в которой отмечал «неспособность некоторых командиров ввести в бой свои войска». Командование фронта подчеркивало, что соединения и части 4-й ударной, 11-й гвардейской и 39-й армий, несмотря на значительное превосходство в силах и «перевес в огне над противником, не выполняют даже ограниченные боевые задачи»³⁵.

Но именно в этих кровопролитных боях проявилась высокая воинская доблесть. Так, 11 января во время сильной вражеской контратаки в районе Заруды (юго-восточнее Витебска) на передовом наблюдательном пункте был ранен командир 5-й батареи 107-й гаубичной артиллерийской бригады резерва Ставки ВГК старший лейтенант Бреженко. Ему грозила верная гибель или плен, потому что противник, несмотря на большие потери, стремительно продвигался вперед. Находившийся при командире батареи ефрейтор Васильцов спас его, отстреливаясь от наседавшего врага³⁶.

Советские войска, хотя и медленно, но продвигались на запад. Одной из важнейших предпосылок тому являлось решительное массирование сил и средств на избранных для

Минер гвардии рядовой М. Сарафметов. Январь 1944 г.

ударов направлениях. Зачастую успех достигался за счет нестандартных тактических приемов и действий³⁷. Так, с 9 по 11 января подразделения одного из полков 16-й гвардейской стрелковой дивизии дважды атаковали опорный пункт противника в Кухари. Несмотря на то что они располагали превосходством над врагом, наступление оказалось безрезультатным. Как позже выяснилось, гарнизон противника в период артиллерийской подготовки находился в укрытиях, а потому потерь почти не нес. Как только полковая артиллерия замолкала, по сигналу наблюдателей вражеские солдаты занимали оборонительные позиции и встречали атакующих сильным огнем.

С учетом этого командир дивизии решил действовать иначе: внезапной ночной атакой штурмового отряда, основу которого составлял стрелковый батальон, усиленный разведотой и саперами, достичь поставленной цели. Такой отряд был создан в 43-м гвардейском стрелковом полку (полковник А. П. Скрыпник)³⁸. На его подготовку было отведено двое суток. После упорного боя, продолжавшегося три часа, населенный пункт Кухари к 6 часам утра 14 января был полностью очищен от противника. Враг потерял более 30 человек убитыми, минометную батарею, семь станковых и четыре ручных пулемета и артиллерийское орудие³⁹.

Вплоть до 18 января 4-я ударная, 11-я гвардейская, 39-я и 43-я армии при поддержке 3-й воздушной армии вели тяжелые боевые действия с целью обойти с северо-запада и юго-востока Витебск и взять его⁴⁰. В их ходе силами войск правого крыла фронта удалось прорвать оборону противника севернее Витебска. Развивая успех, они вышли на ближние подступы к городу, перерезали участок железной дороги Полоцк — Витебск и охватили с северо-запада витебскую группировку врага.

Наступление войск 1-го Прибалтийского фронта способствовало успеху соседнего фронта — 2-го Прибалтийского на невельском направлении, что еще более обострило положение противника на смежных флангах групп армий «Центр» и «Север». Успех вражеской обороны «много раз оказывался висющим на волоске»⁴¹. Однако полностью выполнить поставленные задачи соединения 1-го Прибалтийского фронта не смогли: их попытки охватить город с юго-востока и освободить его не увенчались успехом.

В этих условиях командующий фронтом принял решение о временном прекращении наступления «с целью лучшей подготовки и доукомплектования войск»⁴². В период передышки войска вели разведку и производили перегруппировку⁴³. Передышка была недолгой. Новый, уточненный план Витебской операции, разработанный в штабе 1-го Прибалтийского фронта, 14 января был представлен в Ставку ВГК⁴⁴, которая приняла решение привлечь к этой операции и часть сил Западного фронта.

В его состав была передана 39-я армия из 1-го Прибалтийского фронта. В директиве Ставки ВГК от 18 января 1944 г. указывалось: «Совместными усилиями 1-го Прибалтийского фронта и правого крыла Западного фронта разбить витебскую группировку противника и овладеть городом Витебск»⁴⁵.

1-му Прибалтийскому фронту предписывалось основную группировку войск сосредоточить на смежных флангах 4-й ударной и 11-й гвардейской армий, чтобы затем нанести удар на Витебск с северо-запада. Западный фронт силами 39, 33 и 5-й армий должен был наносить удар на Витебск с юго-востока. При этом предлагалось усилить 33-ю армию тремя-четырьмя стрелковыми дивизиями за счет 5-й армии. Операцию планировалось начать не позднее конца января. Замысел Ставки ВГК предполагал достаточно решительные действия войск при разгроме витебской группировки противника и освобождении города. Войскам обоих фронтов предстояло преодолеть по 10–12 км, чтобы завершить окружение витебской группировки⁴⁶.

Операция должна была проводиться без оперативной паузы в боевых действиях, при низкой укомплектованности соединений и частей личным составом, слабой обеспеченности их боеприпасами, горючим и другими материальными средствами.

Затяжные кровопролитные бои, сложные условия местности, низкая обеспеченность войск материальными средствами оказали негативное влияние на подготовку новой операции. Создать существенное превосходство над неприятелем, например в полосе наступления

Пленные германские солдаты. Февраль 1944 г.

Западного фронта, так и не удалось. Войска фронта имели превосходство в личном составе в 2,1 раза, в артиллерии и минометах — в 2,3 раза. В то же время вражеские войска превосходили ударную группировку этого фронта по танкам⁴⁷.

На подготовку операции отводилось слишком мало времени. Ставка ВГК не смогла удовлетворить и потребности фронтов в пополнении личным составом и материальными средствами. Основную часть своих ресурсов она направляла 1, 2, 3 и 4-му Украинским, а также Ленинградскому и Волховскому фронтам, которые в зимне-весенней кампании выполняли более важные задачи. 2-й и 1-й Прибалтийские, Западный и Белорусский фронты за январь — март 1944 г. получили 19,7% маршевых пополнений, 25,9% всех орудий и минометов, а танков и самоходных артиллерийских установок и того меньше — только 4,2%⁴⁸. Маршал Г. К. Жуков по этому поводу писал: «Ставка решила давать туда более ограниченные силы, чтобы не рассредоточивать их и не отвлекать от тех участков, где будут решаться главные задачи»⁴⁹. Недостаточное пополнение фронтов на витебском направлении личным составом, вооружением и техникой не позволило им восполнить некомплект и, следовательно, не способствовало созданию сильных ударных группировок.

Ставка ВГК, форсируя начало боевых действий 1-го Прибалтийского и Западного фронтов в районе Витебска, принимала меры по активизации белорусских партизан. Их основные усилия были нацелены на то, чтобы в преддверии предстоявшего наступления наносить удары по шоссейным и железнодорожным коммуникациям противника и тем самым воспрепятствовать маневру его войск.

Завершив подготовительные мероприятия, 3 февраля часть сил 4-й ударной и 11-й гвардейской армий перешла в наступление и, «преодолев ожесточенное сопротивление противника, прорвала его передний край обороны»⁵⁰. Соединения 11-й гвардейской армии к этому времени «овладели двумя линиями траншей и сильно укрепленными опорными пунктами — Волково, Заполье, Гурки, Топорино, Кисляки, Машкино, Бондарево»⁵¹.

Командование 3-й немецкой танковой армии начало спешно стягивать резервы к участку прорыва советских войск. 20-й танковой, 12-й пехотной и 5-й горнострелковой дивизиям противника были переданы значительные силы и средства: 505-й танковый батальон (не менее 40 танков «тигр»), 163-й гренадерский полк, батальон 187-го гренадерского полка, батальон 1-го авиаполевого полка, истребительная рота 53-го армейского корпуса, рота 513-го тяжелого противотанкового дивизиона (15 штурмовых орудий «фердинанд»), батарея 281-го дивизиона штурмовых орудий (10 орудий), дивизион минометного полка (6-ствольные минометы), 505-й саперный батальон⁵².

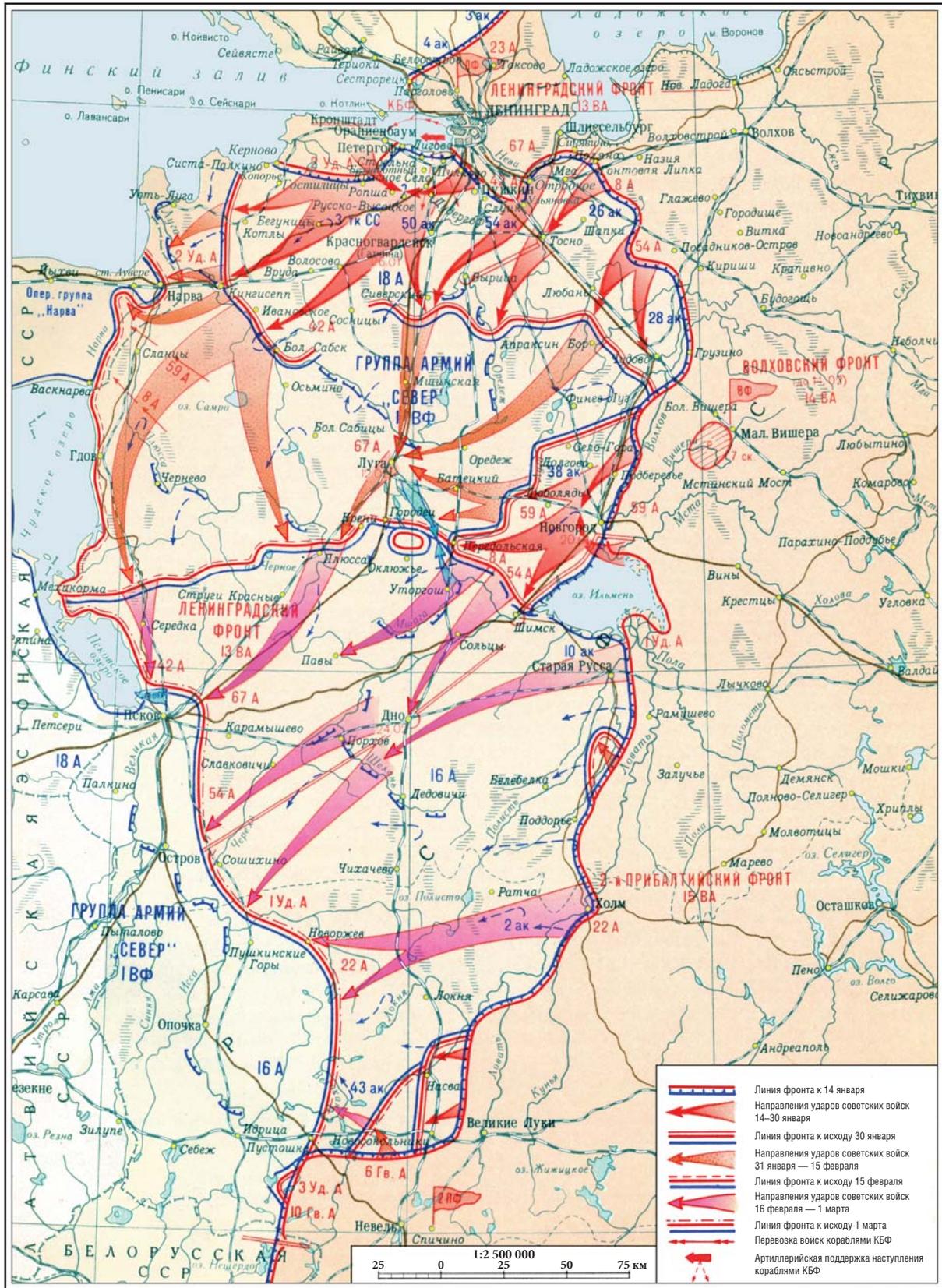
Враг предпринимал многочисленные контратаки, в которых участвовало до роты пехоты при поддержке танков и штурмовых орудий. Они проводились, как правило, во фланг и тыл наступавшим советским войскам. По мере подхода резервов силы, участвовавшие в контратаках, увеличивались до пехотного батальона при поддержке взвода (роты) танков или штурмовых орудий. Контратаки проводились до тех пор, пока не удавалось восстановить передний край обороны или, что было крайне редко, до полного израсходования своих резервов. Почти всегда контратакам предшествовал короткий, но мощный огневой налет продолжительностью от 10 до 30 минут. Командование группы армий «Центр» бросало в бой всё, что могло, не считаясь ни с какими потерями.

11-я гвардейская армия в результате упорных боев преодолела на витебском направлении вторую полосу обороны. Но к 10 февраля армия оказалась перед очередным оборонительным рубежом, оборудованным противником в 12–13 км к северо-западу от Витебска, и с разрешения командующего войсками фронта в середине февраля перешла к обороне, ведя разведку и осуществляя перегруппировки войск и сил.

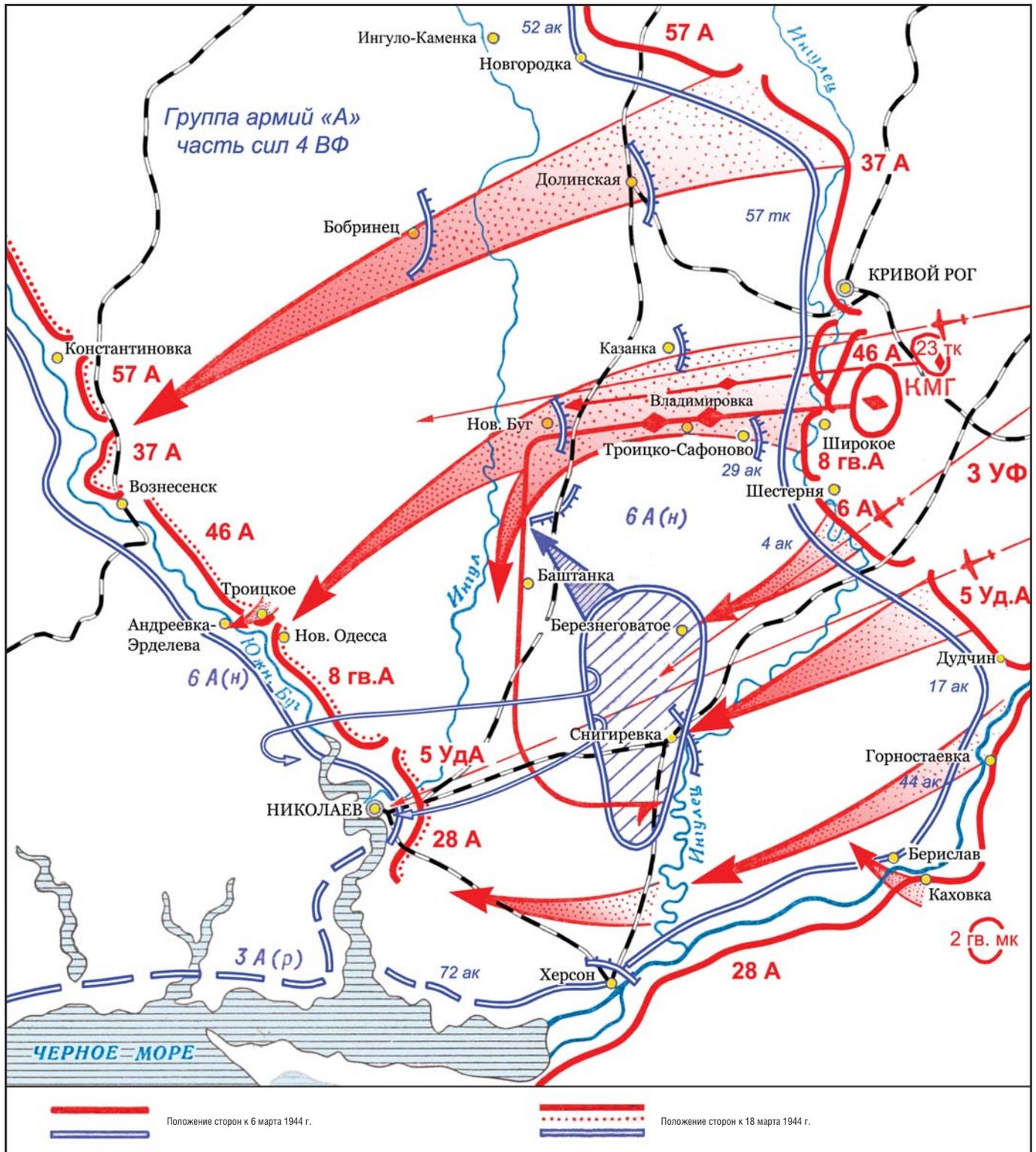
Основные силы 4-й ударной армии, располагавшиеся на прежних рубежах, до 11 февраля вели разведку противника.

Одновременно с 1-м Прибалтийским фронтом намечался переход в наступление войск Западного фронта. Главный удар планировалось нанести силами 33-й армии. Она должна была овладеть левым берегом «реки Лучёса на участке Карповичи, Шеметово. В дальнейшем

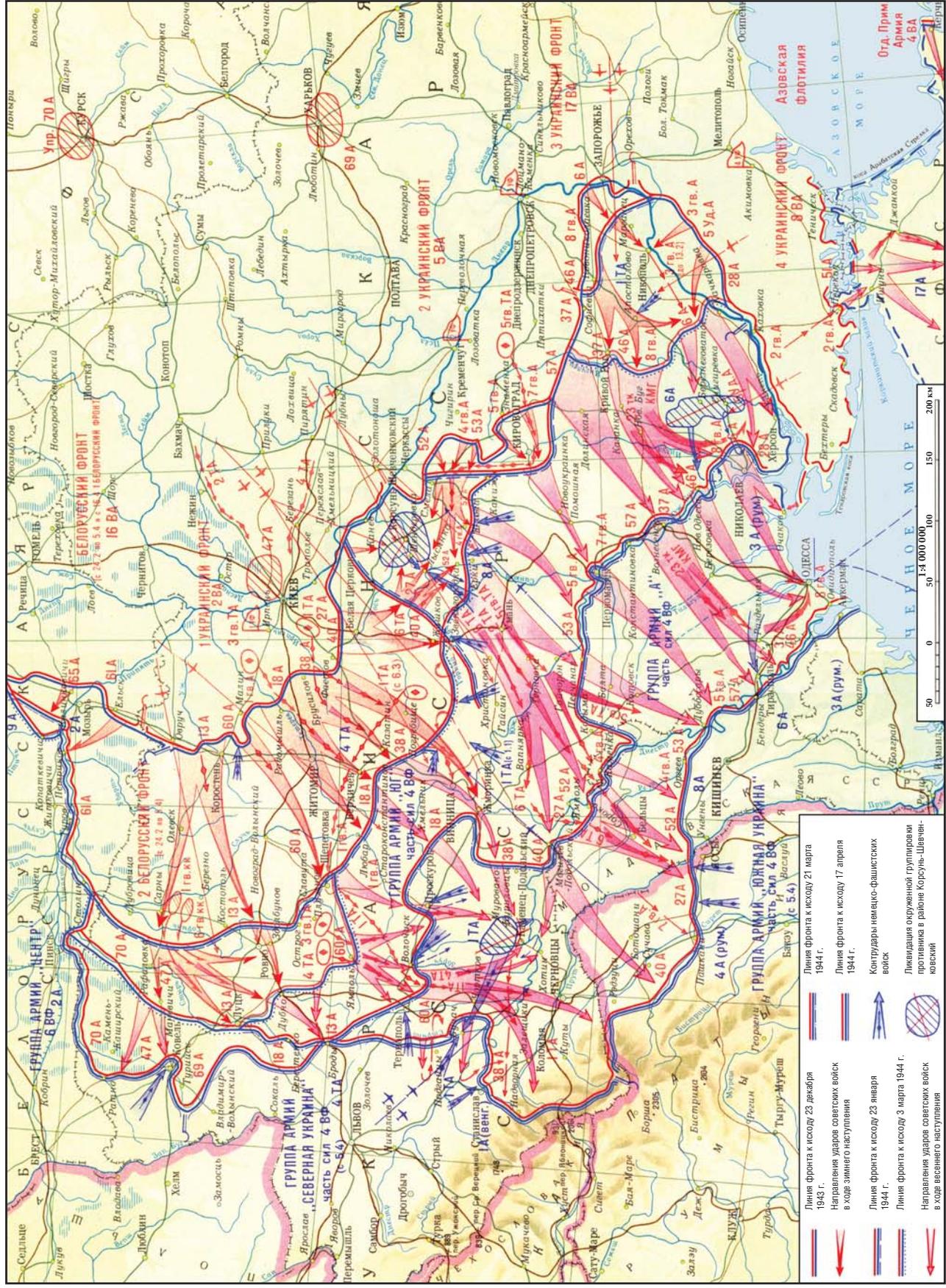
**НАСТУПЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ВОЙСК ПОД ЛЕНИНГРАДОМ И НОВГОРОДОМ.
14 января — 1 марта 1944 г.**

БЕРЕЗНЕГОВАТО-СНИГИРЕВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ 3-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА. 6–18 марта 1944 г.

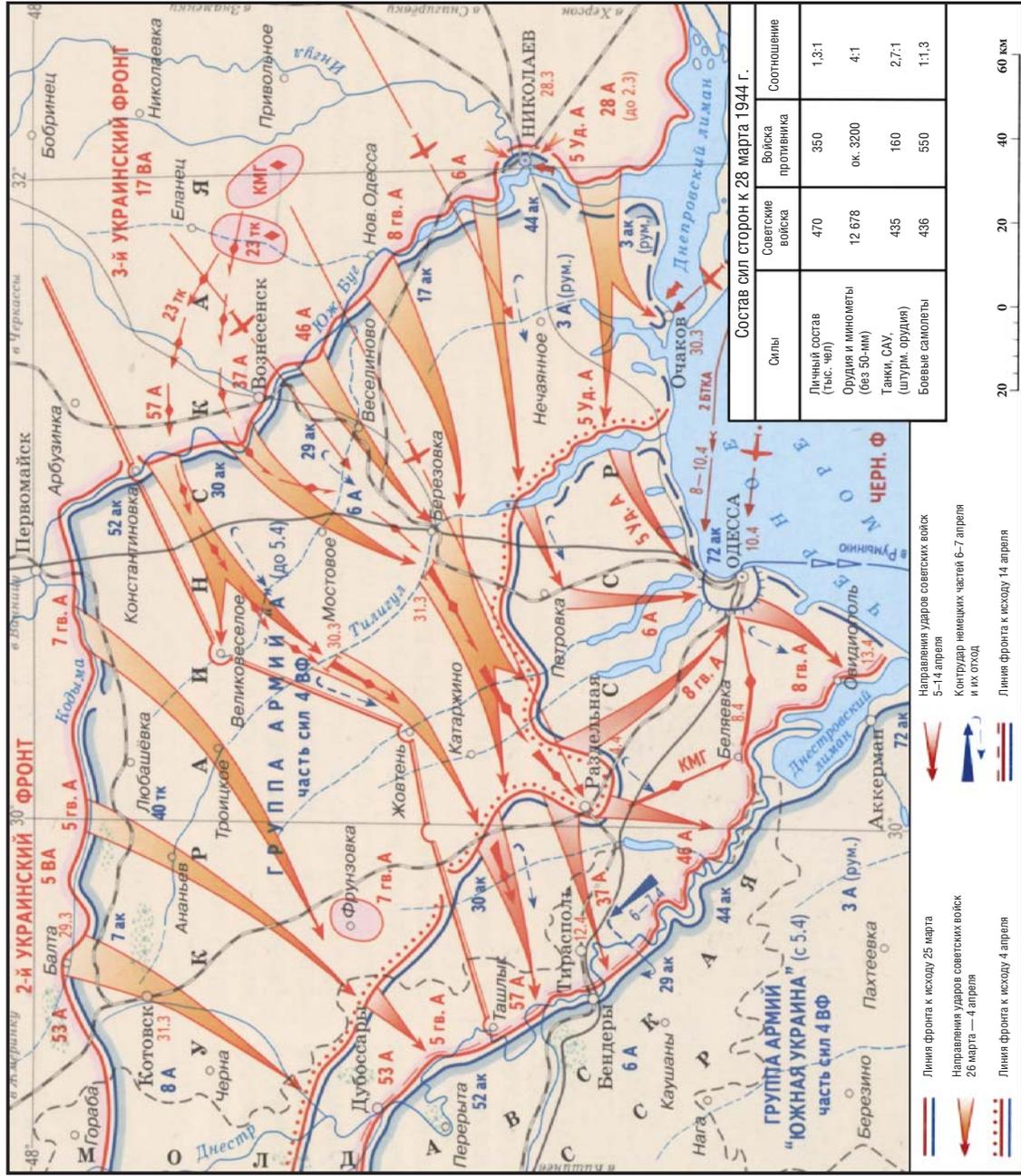
РАЗГРОМ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ВОЙСК НА ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ. 24 декабря 1943 г. — 17 апреля 1944 г.

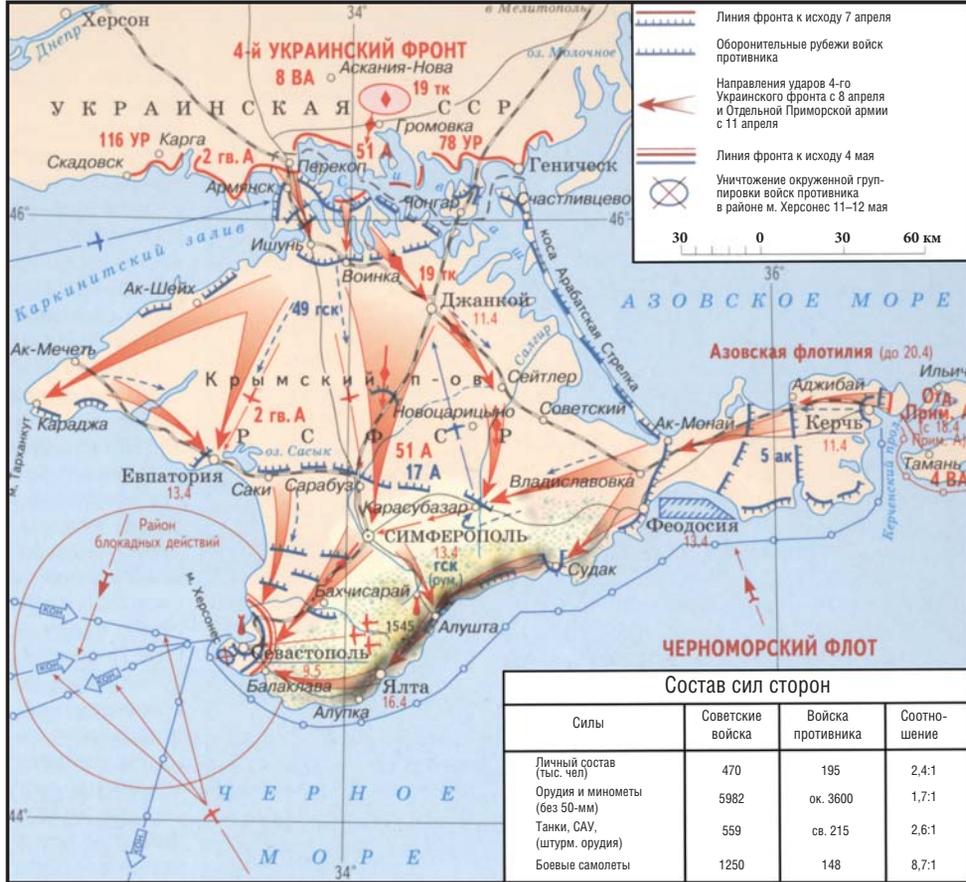
БОРЬБА НА КОММУНИКАЦИЯХ В БАРЕНЦЕВОМ И НОРВЕЖСКОМ МОРЯХ. Декабрь 1943 г. — май 1944 г.

ОДЕССКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ. 26 марта — 14 апреля 1944 г.

КРЫМСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ. 8 апреля — 12 мая 1944 г.

следовало выйти на левый берег реки Западная Двина западнее Витебска, отрезать пути отхода витебской группировке, овладеть железной дорогой на участке Ступише — Шемилловка»⁵³. В случае обнаружения отхода вражеских войск частям 33-й армии предписывалось преследовать их.

На левом фланге действия войск 33-й армии прикрывали соединения 5-й армии. С переходом ударной группировки фронта в наступление две стрелковые дивизии этой армии должны были прорывать вражескую оборону на фронте до 1,5 км.

Наступление 39-й армии планировалось в два этапа. На первом этапе предусматривалось прорвать оборону противника силами трех стрелковых дивизий на участке 4 км и во взаимодействии с ударной группой 33-й армии разгромить оборонявшуюся вражескую группировку. Вводом в сражение второго эшелона в составе двух стрелковых дивизий намечалось нарастить силу удара, прорвать оборону противника перед правым флангом корпуса на глубину до 3 км. В последующем предполагалось перейти в наступление силами войск правого фланга армии⁵⁴. В ходе второго этапа операции планировалось освободить юго-восточную окраину Витебска с последующим развитием наступления вдоль р. Западная Двина.

Наступление войск Западного фронта намечалось без применения крупных танковых и механизированных соединений. При этом взаимодействие между группировками войск Западного и 1-го Прибалтийского фронтов налажено не было.

3 февраля в 9 часов после 40-минутной артиллерийской подготовки войска 39, 33 и 5-й армий Западного фронта перешли в наступление⁵⁵. В первый день из-за неблагоприятных метеоусловий авиация практически не применялась. В сложных погодных условиях действовали только лучшие экипажи, но и их эффективность оказалась невысокой. К тому же после Смоленской операции количество боевых самолетов в 1-й воздушной армии сократилось в два раза⁵⁶.

Соединения 33-й армии, наступавшие на витебском направлении, прорвали вражескую оборону в первый же день на глубину до 3,5 км⁵⁷. Части 206, 131 и 299-й пехотных дивизий противника понесли большие потери в личном составе и военной технике. Особенно успешно действовала 144-я стрелковая дивизия во взаимодействии с 26-й гвардейской танковой бригадой 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса, наступавшая в составе ударной группировки 33-й армии. В 23 часа передовые отряды армии переправились через р. Лучёсу, захватив плацдарм на ее противоположном берегу.

В дальнейшем наступлению советских войск сильно препятствовала авиация противника. Как отмечается в одном из отчетов штаба Западного фронта, группы по четыре — шесть вражеских истребителей на малых высотах «противодействовали боевой работе наших штурмовиков» в районах действий 33-й армии⁵⁸.

Немецкие войска умело использовали местность, «оказывая сильное огневое сопротивление из всех видов оружия, особенно артиллерией и минометами»⁵⁹. Ряд их батарей, находившихся в глубине обороны, подавить не удалось. Под прикрытием артиллерийского огня неприятель перебрасывал с не подвергшихся атакам участков орудийные и минометные батареи. Поэтому наступление войск 33-й армии вскоре превратилось в затяжной бой.

В полосе наступления 39-й армии сложилась аналогичная обстановка. После того как враг во второй половине дня контратакой при поддержке танков и 15 артиллерийских батарей остановил продвижение войск Западного фронта, управление в соединениях и частях армий в значительной мере было нарушено⁶⁰.

С утра 4 февраля наступление войск Западного фронта возобновилось. При этом в период коротких 10–15-минутных артиллерийских налетов на батарею противника расходовалось всего лишь 15–20 снарядов. Поэтому эти батареи быстро «оживали», преграждая путь советской пехоте и танкам. Преодолевая упорное огневое сопротивление, к концу дня войска фронта продвинулись лишь на глубину до 1 км. Отдельные подразделения в полосе 33-й армии, переправившись на правый берег р. Лучёса, втянулись в тяжелые бои за населенные пункты Павлюченки и Бондино-Мосино. Водная преграда, ширина которой достигала почти

50 метров, а глубина — 1,5–4,5 метра с крутизной берегов до 45–60 градусов, представляла серьезное препятствие.

За двое суток войска 39-й армии так и не смогли выйти на рубеж, предусмотренный ближайшей задачей. Сильный артиллерийско-минометный огонь противника наносил ощутимый урон ее войскам, поэтому 75–80% ранений были осколочными. По сравнению с первыми двумя днями наступления потери возросли, только в 33-й армии они составили более 2,5 тыс. человек. В целом в обеих армиях количество раненых и убитых превысило 3,6 тыс. человек⁶¹.

Неоднократные попытки соединений и частей 5-й армии прорвать вражескую оборону также не увенчались успехом. Вечером 4 февраля они вынуждены были перейти к обороне на прежних рубежах для подготовки «нанесения дальнейших ударов по врагу»⁶².

В течение следующего дня бои характеризовались переменным успехом. При этом сопротивление противника возрастало. Многократные попытки 33-й армии расширить плацдарм на западном берегу р. Лучёса были сорваны контратаками частей 131, 206 и 211-й пехотных дивизий врага при поддержке артиллерии, танков и авиации.

В то время как 5-й гвардейский стрелковый корпус 39-й армии, отражая удары противника, продвинулся до 1 км, соединения и части 33-й армии вели ожесточенные бои за населенные пункты Букштыны и Мяклово. Последний населенный пункт, переходивший из рук в руки несколько раз, остался за противником⁶³.

Командование вермахта было встревожено тем, что наступавшие на этом направлении советские войска угрожают перерезать участок железной дороги Витебск — Орша. По его оценке, это лишило бы возможности планомерно снабжать свою витебскую группировку всем необходимым.

6 февраля в штаб 3-й немецкой танковой армии прибыл командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Э. Буш. Командующий армией генерал Г. Рейнгардт, доложив обстановку, констатировал, что «исход сражения в районе Витебска находится в прямой зависимости от возможности использования железной дороги Витебск — Орша»⁶⁴. Э. Буш потребовал принять все меры, чтобы укрепить оборону западнее района вклинения советских войск. Было принято решение построить новый оборонительный рубеж вдоль р. Лучёса и западнее нее. Кроме того, для усиления 6-го армейского корпуса командующий группой армий «Центр» выделил 5-й танковый батальон, имевший на вооружении танки «тигр», а также полк из 95-й пехотной дивизии и 197-й фузилерный батальон. Для противодействия советским войскам на этот же участок были перебазированы крупные силы авиации, в том числе пикирующие бомбардировщики⁶⁵. За каждый опорный пункт развернулись изнурительные бои.

Советское командование также наращивало усилия, вводя в бои вторые эшелоны и резервы. Упорные бои продолжались до 7 февраля. Требовались экстренные меры, чтобы переломить ситуацию в свою пользу. С этой целью командующий 33-й армией решил ввести в бой соединения 36-го стрелкового корпуса и таким образом окончательно очистить от врага правый берег р. Лучёса. Однако боевые действия частей корпуса успеха не имели.

За восемь дней наступления войска 33-й армии, «понеся большие потери (10,5 тыс. человек), продвинулись на правом фланге на 4 км, а на левом — на 3 км, то есть не прорвали даже тактическую глубину обороны противника, так как полнейшее огневое господство оказалось на стороне противника»⁶⁶. По боевым порядкам наступающих вели огонь от 20 до 30 вражеских батарей, а советская артиллерия отвечала неприцельным огнем. Представитель Генерального штаба при штабе Западного фронта подполковник Н. В. Резников в донесении отмечал, что «нашей авиацией сфотографирован узел сопротивления противника в деревне Павлюченки, на снимках которого видно, что 80–90% разрывов наших снарядов после арт-обработки находятся в 800–1000 метрах за деревней Павлюченки на запад»⁶⁷.

Вплоть до 13 февраля наступление советских войск успеха не имело. Сразу же после артиллерийской подготовки войск 33-й армии подразделения неприятеля при поддержке 10–15 тяжелых танков переходили в контратаки. Германское командование снимало части и

подразделения с неатакованных участков и быстро перебрасывало их в район образовавшегося прорыва. Этому в значительной степени способствовала довольно разветвленная сеть дорог на подступах к Витебску. Три шоссе в этом районе обеспечивали противнику возможность совершать нужный маневр его резервных и подвижных групп.

В целом боевые действия 39-й армии оказались неудачными⁶⁸. 12 февраля командующий 39-й армией приказал соединениям и частям перейти к обороне на достигнутых рубежах. При этом периодически артиллерия противника обстреливала ее расположение.

Частные атаки соединений и частей 33-й армии, имевших задачу выбить врага с левого берега р. Лучёса, также результатов не дали⁶⁹. Командующий 33-й армией принял решение перейти к обороне в 4–6 км от железной дороги Витебск — Орша. Однако 14 февраля согласно боевому распоряжению командующего войсками Западного фронта генерала армии В. Д. Соколовского 39-й и 33-й армиям предстояло с 16 февраля возобновить наступление с прежними задачами.

Начавшееся наступление остановили сильнейший артиллерийско-минометный огонь и многократные контратаки пехоты противника⁷⁰. Как следует из отчетных документов, в контратаках только против частей 33-й армии «участвовало 28 танков и штурмовых орудий, 25 артиллерийских и 12 минометных батарей, дивизион шестиствольных минометов»⁷¹. В послевоенные годы главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов, который в рассматриваемый период являлся представителем Ставки ВГК, писал: «Если все эти контрмероприятия противника сопоставить с нашим, часто неумелым, использованием огневого воздействия на врага, становится ясным, как трудно было рассчитывать на успех при таких грубых ошибках»⁷².

За одиннадцать дней наступления 33-я армия продвинулась от 4 до 6 км⁷³. По распоряжению командующего войсками Западного фронта от 17 февраля соединения и части 33-й и 39-й армий перешли к обороне⁷⁴. С 18 февраля армии правого крыла фронта производили частичную перегруппировку, приводили части в порядок и под прикрытием огня всех видов оружия закреплялись на достигнутых позициях, а войска центра и левого фланга обороняли прежние позиции⁷⁵.

На отдельных участках фронта разведывательные подразделения уточняли передний край обороны противника, его системы огня и заграждений. В свою очередь, враг обнаружил, что «советские войска... своими ударными дивизиями не в состоянии немедленно возобновить активные действия»⁷⁶. 2 апреля в соответствии с директивой Ставки ВГК перешел к обороне и 1-й Прибалтийский фронт.

«На этот раз немецким войскам пришлось до предела напрягать все свои силы, чтобы удержать оборону северо-западнее и юго-восточнее города, где она неоднократно находилась на грани прорыва, — вспоминал бывший генерал вермахта К. Типпельскирх, участник тех событий. — Хотя при этом немцы понесли тяжелые потери, однако им удалось не допустить решающих прорывов противника, бросившего в наступление пятьдесят три стрелковые дивизии, десять танковых бригад и три артиллерийские дивизии. Но силы немногочисленных немецких дивизий, державших оборону по широкой 70-километровой дуге вокруг Витебска, были истощены»⁷⁷.

Несмотря на некоторые территориальные успехи и нанесение существенного урона неприятелю (по немецким данным, 3-я танковая армия за десять дней потеряла 250 офицеров и 7500 унтер-офицеров и рядовых)⁷⁸, советские войска не смогли освободить Витебск. Тем не менее им на витебском направлении все же удалось сковывать значительные силы и средства противника. Опыт наступательных действий советских войск в определенной степени способствовал совершенствованию тактики общевойскового боя. Так, по их итогам Военный совет 1-го Прибалтийского фронта принял решение о создании в стрелковых полках усиленных штурмовых батальонов, которые в последующих боях при незначительных потерях успешно сокрушали вражескую оборону.

Однако обе Витебские наступательные операции завершились неудачно. 1-й Прибалтийский и Западный фронты задач, поставленных Ставкой ВГК, не решили. Не была прорвана оборона противника даже на ее тактическую глубину. Операции завершились большими

потерями при незначительном вклинении в оборону врага. Причин неудач советских войск в столь успешно начатых наступательных операциях несколько. Отметим главные.

Что касается плана Ставки ВГК на зимне-весеннюю кампанию 1944 г., то по ряду весьма существенных причин он не мог быть осуществлен 1-м Прибалтийским и Западным фронтами в полном объеме. Маршал И. Х. Баграмян впоследствии писал, что «для этого нужны были мощные силы, оснащенные бронетанковыми войсками, более щедрое снабжение боеприпасами, горючим и всем необходимым для успешного ведения столь серьезной операции»⁷⁹.

Ставка ВГК, поставив фронтам большие по глубине задачи, «не обеспечила их соответствующими силами и средствами»⁸⁰. Численность стрелковых дивизий даже после их доукомплектования составляла всего 4–5 тыс. человек, а стрелковых рот — не превышала 60 человек. 1-й Прибалтийский фронт имел 249 танков, а Западный — только 125⁸¹. Опыт же показал, что весьма сложно вести решительное наступление без крупных танковых и механизированных объединений и соединений.

Большие потери среди личного состава и огромный расход боеприпасов объясняются не только ожесточенным сопротивлением противника и непреодолимой обороной перед 11-й гвардейской, 4-й ударной, 33-й и 39-й армиями, но и отчасти неудовлетворительным руководством войсками со стороны командования фронтов и армий. Генерал армии С. М. Штеменко после войны писал, что «главная причина наших неудач севернее Полесья заключалась не столько в прочности вражеских позиций, сколько в грубых нарушениях некоторыми командирами и штабами правил организации, обеспечения и ведения наступления»⁸².

И действительно, имея подавляющее превосходство в артиллерии, командование фронтов и армий не смогло рационально и результативно его использовать. Более того, в период подготовки операций артиллерийская разведка чаще всего оказывалась не в состоянии вскрывать огневую систему противника. Наступление советских войск велось на нескольких направлениях, что приводило к распылению усилий, не позволяя массированно применять ограниченное количество танков, САУ и авиацию⁸³. Взаимодействие фронтов и армий в наступлении организовывалось неудовлетворительно.

Разведотделы фронтов, особенно Западного, неумело руководили деятельностью разведывательных органов армий, корпусов и дивизий. Добываемые сведения о противнике зачастую являлись недостоверными. Много недостатков имела и войсковая разведка, которая своевременно не докладывала командованию необходимых сведений о противостоявших соединениях и частях врага. Данные авиаразведки и радиоразведки не обрабатывались в надлежащие сроки. Служба наблюдения в частях и подразделениях была организована формально.

Вместо тщательной подготовки операции и организации боя, а также эффективного использования артиллерии командующий 33-й армией Западного фронта генерал В. Н. Гордов стремился пробить оборону противника стрелковыми частями. При этом прорыв организовывался на узких участках — 5–6 км. Армия глубоко эшелонировала свои боевые порядки. В результате «в стрелковой дивизии атаковало два-три батальона, а остальные батальоны стояли в затылок»⁸⁴. Это позволяло противнику сосредоточивать фланкирующий огонь в сочетании с контратаками и наносить советской пехоте большой урон. Только с 3 по 14 февраля 33-я армия потеряла 15 321 человека⁸⁵.

На характере и результатах операций сказывались также недочеты в работе тыла. В сырую погоду (3–6 февраля) красноармейцы частей 33-й армии воевали в валенках. По далеко не полным данным, за пять дней заболел простудными заболеваниями 661 человек. Питание было неудовлетворительное, а порой и вообще отсутствовало. Перегруппировка войск и подготовка к операциям проводилась без должной скрытности и дезинформации противника. В результате внезапность еще до начала операций утрачивалась, и действия начинались в условиях полной готовности неприятеля к отражению наступления советских войск.

Командование группы армий «Центр», придавая большое значение Витебску как важному узлу шоссейных и железных дорог, сосредоточило вокруг него войска, которые в первой половине февраля были усилены за счет дополнительных перегруппировок с соседних участков.

Местность с высокими холмами, сильно пересеченная оврагами, реками, ручьями, озерами, незамерзающими болотами, затрудняла советским войскам ведение боевых действий и в то же время облегчала противнику организацию и ведение обороны. Кроме того, начавшееся наступление советских войск совпало с потеплением. Дороги стали труднопроходимыми, а вне их передвижение крайне затруднилось, туманы и облачность ограничивали использование авиации и прицельный огонь артиллерии.

По наступавшим советским войскам противник вел сильный ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь, а на отдельных направлениях переходил в контратаки силой роты или батальона, поддержанных танками и штурмовыми орудиями. Успех в обороне против численно превосходивших соединений и частей Красной армии отмечался немцами как большая победа. Так, генерал Г. Рейнгардт, будучи командующим 3-й танковой армией, получил дубовые листья с мечами к Рыцарскому кресту Железного креста. Но, как признавал сам противник, это была «очень шаткая победа, находившаяся на острие ножа»⁸⁶.

В ходе обеих Витебских наступательных операций советские войска понесли существенные потери в личном составе и военной технике, израсходовали большое количество боеприпасов. Так как на поступление пополнения и материальных средств рассчитывать не приходилось, дальнейшие наступательные действия войск 1-го Прибалтийского и Западного фронтов были прекращены, и они закрепились на подготовленных рубежах. Операции оказались незавершенными. Объясняется это прежде всего тем, что Ставка ВГК, поставив фронтам сложные боевые задачи, не обеспечила их соответствующими силами и средствами, в частности танками, боеприпасами и горючим. В целом же своими активными действиями фронты способствовали успеху наших войск на крыльях советско-германского фронта, сковав силы противника, не дав ему возможности снимать соединения и перебрасывать их на другие направления. Кроме того, в ходе боевых действий соединения и части советских фронтов улучшили свое оперативное положение.

Тем не менее на центральном участке советско-германского фронта войска Красной армии сковали группу армий «Центр», не позволив ей оказать помощь терпевшим катастрофическое поражение немецким группам армий «Юг» и «А».

Боевые действия в районах Орши и Богусhevска

Для успешного проведения важнейших операций на Правобережной Украине, под Ленинградом и Новгородом в первой половине 1944 г. большое значение имели боевые действия объединений и соединений Западного фронта в полосе между Оршей и Могилевом. Здесь его войскам противостояла 4-я немецкая армия (генерал-полковник Г. Хейнрици), входившая в состав группы армий «Центр».

На 1 января 1944 г. противник на богусhevском, оршанском и могилевском направлениях имел 11 пехотных, три моторизованные, охранную и учебно-полевую дивизии, а также пехотную бригаду СС⁸⁷. В намерении прочно удерживать занимаемую территорию были подготовлены оборонительные рубежи, насыщенные большим количеством огневых средств и различными инженерными заграждениями. В связи с тем что в тылу немецких войск отсутствовали оперативные объединения, на наиболее вероятных для наступления советских войск направлениях располагались резервы из танковых и моторизованных частей и подразделений⁸⁸.

Лесисто-болотистая местность, наличие множества рек и лесных массивов делали оборону противника еще более труднопреодолимой, что значительно затрудняло наступательные действия, особенно танковыми соединениями⁸⁹.

Ставка ВГК, планируя зимне-весеннее наступление, одновременных мощных ударов на западном направлении не предусматривала. Основные операции по разгрому группировки

В отдельной разведывательной роте старшего лейтенанта Е. В. Гарбузова

В ожидании сигнала к атаке. Белорусский фронт, январь 1944 г.

В ожидании приказа...

вражеских войск и освобождению Белоруссии, согласно решению Верховного главнокомандования, должны были проводиться летом 1944 г.⁹⁰ «От нас между тем, — писал бывший представитель Ставки ВГК на Западном, 1-м и 2-м Прибалтийских фронтах главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов, — требовали решительных действий, ни в коем случае не давать противнику возможности снять хотя бы одну-две дивизии с этого направления для отправки на юг»⁹¹.

Необходимость наступления в полосе Западного фронта обуславливалась значительным в результате успешных действий продвижением фронтов на северо-западе и Украине. Войска же генерала армии В. Д. Соколовского после Смоленской операции, по существу, продолжали оставаться на месте. Вследствие чего положение Западного фронта представляло собой выступ, углублявшийся в сторону Москвы почти на 150 км, где командование вермахта сосредоточило крупную группировку. К тому же авиация противника все еще сохраняла возможность по кратчайшим направлениям воздействовать на важнейшие объекты и коммуникации не только Западного, но и 1-го Прибалтийского и Белорусского фронтов⁹².

В целях скорейшего и полного освобождения советской Белоруссии предостояло разгромить группу армий «Центр». Еще 20 сентября 1943 г., во время Смоленской операции, Ставка ВГК поставила перед Западным фронтом задачу: к моменту освобождения Смоленска занять левым крылом Починки и Рославль, выйти на рубеж р. Сож — Хиславичи — Шумяги, а в дальнейшем, главной группировкой наступая на оршанском направлении, 10–12 октября взять район Орши и Могилева. Общая глубина операции должна была составлять 160–210 км⁹³.

После Орши и Могилева Ставка ВГК планировала продолжение наступления в направлении Борисова и Молодечно. Затем Западному фронту надлежало выйти на рубеж Докшицы — Долгиново — Радошковичи с целью освобождения Вильнюса. В то же время войскам Калининского фронта предписывалось не позднее 9–10 октября 1943 г. освободить Витебск, в последующем — Ригу, а войскам Центрального фронта — Минск⁹⁴.

В конце 1943 г. в соответствии с планом Ставки ВГК предусматривалось одновременным нанесением нескольких рассекающих ударов разгромить немецкую группу армий «Центр», освободить Белоруссию и выйти к границам Польши, Восточной Пруссии и Прибалтики. В течение декабря войсками Западного фронта были проведены две наступательные операции. Наступление на правом крыле имело целью прорвать сильно укрепленную оборону противника и освободить г. Оршу. В нем принимали участие 10-я гвардейская, 31, 5 и 33-я армии. На левом крыле фронта соединения 10-й армии наносили удар в направлении Могилева.

В итоге наступления соединения и части этих армий только на отдельных участках выбили противника из первой и второй линий траншей и продвинулись в глубину на 1–2 км. Дальнейшее продвижение советских войск развития не получило, так как германское командование на всех участках оказывало организованное сопротивление. В связи с этим армии Западного фронта вынуждены были перейти к обороне на достигнутых рубежах⁹⁵.

22 декабря 1943 г. 33-я армия, принявшая от 39-й армии 1-го Прибалтийского фронта часть полосы обороны вместе с войсками, продолжала подготовку операции на витебском направлении. Ближайшей задачей этой армии являлся выход на участок железной дороги Витебск — Орша и к р. Лососина.

23 декабря после 20-минутной артиллерийской подготовки соединения первого эшелона, прорвав передний край обороны врага, продвинулись на 1,5–2,5 км. Его 206-я и 246-я пехотные дивизии, опираясь на хорошо оборудованную линию траншей, оказывали не только упорное сопротивление, но и контратаковали советские войска. При отражении вражеских контратак воины 33-й армии проявили стойкость и героизм. Так, 24 декабря в районе деревни Жирносеки, что юго-восточнее Витебска, командир расчета орудия 873-го истребительного противотанкового артиллерийского полка сержант И. Г. Мамыкин отбил три контратаки противника, заставил замолчать шесть пулеметов и два миномета, разрушил шесть дзотов и уничтожил свыше десяти солдат. За свой подвиг герой-артиллерист был награжден орденом Славы 3-й степени⁹⁶. Войну И. Г. Мамыкин закончил полным кавалером ордена Славы.

За первые три дня боев соединения и части 33-й армии прорвали сильно укрепленную полосу вражеской обороны на фронте до 5 км и в глубину около 10 км. Ими был освобожден 41 населенный пункт⁹⁷. В дальнейшем соединения и части армии вели напряженные боевые действия, отражая многочисленные контратаки пехоты и танков противника⁹⁸. 6 января армия, преодолев упорное сопротивление врага, овладела опорными пунктами Рожново и Осиновка⁹⁹. Но дальше продвинуться не смогла.

В результате наступления на витебском направлении с 23 декабря 1943 г. по 6 января 1944 г. советские войска на 8–12 км вклинились в оборону противника, который отошел на заранее подготовленный рубеж.

7 января 1944 г. 33-я и 5-я армии Западного фронта, завершив перегруппировку, начали подготовку наступательной операции на богушевском направлении, которая намечалась на следующий день. Для ее проведения было сосредоточено 16 стрелковых дивизий, из них в первом эшелоне — 11, во втором — пять. Кроме того, к операции привлекались стрелковая бригада, танковый корпус, 12 артиллерийских бригад, шесть артиллерийских полков РГК, шесть танковых бригад, восемь самоходных артиллерийских полков. Всего в двух армиях насчитывалось 295 танков¹⁰⁰.

Противостоявшая советским войскам неприятельская группировка состояла из четырех пехотных дивизий, отдельных частей двух моторизованных дивизий, около девяти артиллерийских полков и насчитывала до 130 танков.

33-й армия получили задачу силами 69, 65 и 36-го стрелковых корпусов разгромить противостоявшего врага, овладеть переправами через р. Лучёса, выйти на рубеж на участке Бондино-Мосино и Запруды, (иск.) Перевоз, до Новинки и в дальнейшем перерезать участок на железной дороге Витебск — Орша¹⁰¹.

5-я армия, принявшая от 33-й армии 81-й и 45-й стрелковые корпуса с занимаемыми ими рубежами, получила задачу прорвать оборону противника и, развивая удары на Шеляги и Косачи, овладеть берегом р. Суходровка на участке Романово — Шапачино. В дальнейшем ей следовало наступать в общем направлении на Нижнее Александрово, перерезать участок железной дороги между реками Черниченка и Оболянка, выйти на левый берег р. Лучёса в районе Нижнее Александрово — Бобарыки.

8 января после 35-минутной артиллерийской подготовки пехота 33-й армии в сопровождении танков непосредственной поддержки перешла в наступление¹⁰². Преодолевая сопротивление врага, 371-я стрелковая дивизия освободила населенные пункты Липовец, Запруды, Мокарово и северную часть Замошненцев¹⁰³. Остальные соединения армии продвижения не имели, ведя огневой бой и отражая контратаки противника на прежних рубежах. В тот же день в сражение был введен 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус с задачей освободить Оршу. При этом особенности местности и наступившие ранние сумерки не учитывались. Танкисты вышли на шоссе Орша — Витебск, но выполнить поставленную задачу не смогли из-за больших потерь¹⁰⁴. 10 января корпус был выведен из боя.

После неоднократных перегруппировок соединения 33-й армии возобновили наступление. Однако оно носило характер «прогрызания» сильно укрепленной полосы противника. «Русское командование не давало обороняющимся немцам ни минуты передышки», — вспоминал участник тех событий бывший офицер вермахта В. Хаупт¹⁰⁵.

33-я армия в очередной раз не смогла выполнить поставленную задачу. В журнале боевых действий Западного фронта отмечалось, что одним из существенных недостатков действий советских частей в наступлении было то, «что ряд наших командиров, а вместе с ними и бойцы очень впечатлительны к немецким контратакам. Контратака роты пехоты с 2–3 танками, успешно отбитая с потерями для противника, вызывала, однако, замедленное движение, а то и приостановку наступательных действий на значительное время»¹⁰⁶.

Перешедшие в наступление 8 января соединения и части 5-й армии также встретили сильное огневое сопротивление со стороны противника, который на отдельных участках предпринимал многократные контратаки. 15 января в полосе 5-й армии в сражение был введен 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус. Исключительную отвагу проявила

механик-водитель 26-й гвардейской танковой бригады сержант М. В. Октябрьская, получившая в бою смертельную рану. Позже за мужество и героизм ей посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза¹⁰⁷.

С 19 января соединения и части армии закрепились на достигнутых рубежах. В последующие дни они неоднократно предпринимали попытки возобновить наступление. Однако их продвижение было незначительным. К исходу 24 января 5-я армия получила задачу перейти к обороне.

В результате наступления на богушевском направлении с 8 по 24 января 1944 г. советские войска вклинились в оборону противника на 2–4 км. Общие потери армий составили 25 189 человек: убитыми — 5517, ранеными — 19 672¹⁰⁸. Противнику удалось задержать наступление советских войск, потеряв при этом незначительную часть занимаемой территории¹⁰⁹.

Невыполнение 33-й и 5-й армиями наступательных задач опять же явилось следствием как объективных, так и субъективных причин. Их соединения и части были обескровлены.

Неуспех операции представитель Генерального штаба Красной армии при штабе 5-й армии подполковник Некрасов объяснял «отсутствием оперативно-тактической внезапности и слабой подготовкой войск к ночным наступательным действиям, отсутствием удара там, где противник не ожидает»¹¹⁰.

Были и другие причины. Пехота, вместо того чтобы использовать складки местности, перебегая от одной кочки к другой, шла во весь рост, отсюда и несла весьма большие потери от огня противника. При анализе опыта наступательных действий также вскрылось, что если старший офицерский состав и соответствующие войсковые штабы были в целом неплохо подготовлены к управлению войсками, то в решениях командиров стрелковых подразделений, до батальона включительно, отмечались существенные недостатки. Слабую подготовку имел сержантский и рядовой состав многих подразделений.

Пехота оказалась необученной к совместным действиям с танками, значительно отставала от них. Так, 15 января танки 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса, с ходу прорвавшись через передний край противника в районе станции Крынки, вышли на рубеж Черкассы — Шугаево и оставались там более суток. При этом действовавшая на том же направлении пехота 95-й стрелковой дивизии, «застряв» у совхоза «Крынки», к этому рубежу так и не подошла¹¹¹.

По мнению представителей Генерального штаба Красной армии при штабе Западного фронта, пехота противника, наоборот, сопротивлялась уверенно, широко применяя автоматический огонь при поддержке артиллерии и минометов. Одним из факторов успеха в обороне, как считают военные историки Германии, являлась гибкость «руководящих штабов, постоянно маневрировавших своими незначительными по численности войсками, чтобы каждый раз на направлении главного удара советских войск создавать основные усилия в обороне»¹¹².

В феврале 1944 г., кроме участия в Витебской наступательной операции (3–18 февраля), войска Западного фронта наносили удары и на других участках.

22 февраля 31-я армия предприняла наступление на оршанском направлении с задачей улучшить занимаемые позиции. К этому времени армия имела четыре стрелковые дивизии, укрепленный район, танковую бригаду, самоходный артиллерийский, минно-траловый, гвардейский минометный, три зенитно-артиллерийских, танковый полки, а также пять артиллерийских полков РГК¹¹³. В конце первого дня наступления правофланговые соединения армии, прорвав оборону, продвинулись на глубину до 4 км и выбили противника из опорных пунктов Лобаны, Вишни, Шарово, Востицы.

В это же время предпринимала наступательные действия и 5-я армия. Однако ее части сумели продвинуться лишь на 2 км.

В итоге пятидневных наступательных боев правофланговые соединения 31-й армии захватили правый берег р. Черница и отбросили противника к западу почти на 3 км, овладев его первой и второй линиями траншей. 24 февраля они возобновили наступление в районе севернее Бабиновичей и вклинились в оборону врага до 4 км¹¹⁴.

Для воспреещения развития наступления советских войск на оршанском направлении командование 3-й немецкой танковой армии вынуждено было перебросить из района севернее Витебска имевшиеся в его распоряжении резервы и части 20-й танковой дивизии. Встречая ожесточенное сопротивление врага и угрозу контрударов его танковых соединений, советские войска переходили к обороне. Обычно она строилась глубокой и хорошо подготовленной в инженерном, противовоздушном и особенно противотанковом отношении. Маршал А. М. Василевский после войны подчеркивал, что «на рубеже 1943–1944 гг. борьба с немецкими танковыми соединениями оставалась далеко не простым делом»¹¹⁵.

Учитывая результаты операции, Ставка ВГК в директиве от 26 февраля потребовала от командующего войсками Западного фронта переработать план наступательной операции на витебском и оршанском направлениях. Для проведения операции на витебском направлении в 39, 33 и 5-й армиях было сосредоточено 15 стрелковых дивизий, из них в первом эшелоне — 13, во втором эшелоне — две. Кроме того, к операции привлекались стрелковая и семь артиллерийских бригад, 10 артиллерийских полков РГК, шесть танковых бригад и 87 танков. Этим силам противостояли пять пехотных дивизий, 10 артиллерийских полков и около 90 танков врага¹¹⁶.

В течение 27–28 февраля наблюдение за врагом показало, что в полосе 39-й армии осуществлялось усиленное движение в направлении Витебска мелких групп и транспорта противника. Установив отход неприятеля с занимаемых позиций, командующий 39-й армией отдал приказ начать его преследование, которое продолжалось до 3 марта. Однако успех сопутствовал только 19-й гвардейской стрелковой дивизии. Противник преследовался не мощными группировками, а распыленными силами. Из-за просчетов в организации наступления управление полками и батальонами нередко нарушалось, к тому же вышестоящие штабы запаздывали с информацией.

Командование 39-й армии рассчитывало на глубокий отход противника, поэтому преследование проводилось без учета внезапных действий с его стороны. Кроме того, штаб армии не организовал взаимодействия пехоты с танками и не обеспечил их артиллерией, которая могла бы подавить вражескую огневую систему. Артиллерия на этапе преследования испытывала дефицит снарядов крупных калибров, необходимых для постановки заградительных огней на путях отхода врага и воспреещения подхода его резервов. Так, на 29 февраля артиллерия имела «122-мм гаубичных артвыстрелов — 0,44 боекомплекта, 122-мм пушечных артвыстрелов — 0,15 боекомплекта, 152-мм гаубичных артвыстрелов — 0,5 боекомплекта, 152-мм пушечных артвыстрелов — 0,7 боекомплекта»¹¹⁷.

3 марта подошедшие к промежуточному рубежу вражеской обороны соединения и части армии из-за своего малочисленного состава не смогли сбить противника, а резервы подведены не были. К примеру, 84-й стрелковый корпус (генерал-майор Е. В. Добровольский) имел «шестнадцать рот по 15–25 человек, шесть рот по 25–35 человек, четыре роты по 35–45 человек, пять рот по 45–55 человек, две роты по 55–65 человек»¹¹⁸. Такое же положение складывалось и в ротах автоматчиков.

К 5 марта 39-я армия, продвинувшись на запад от 2 до 7 км, освободила более десяти населенных пунктов¹¹⁹. В дальнейшем, когда командование немецкой группы армий «Центр» организовало и на новом рубеже упорное сопротивление, она вынуждена была перейти к обороне.

2 марта 33-я и 5-я армии предприняли наступление на витебском направлении с задачей перерезать железную дорогу на участке Поддубляны — Черепии. Наступлению 33-й армии предшествовала часовая, а 5-й армии — 40-минутная артиллерийская подготовка. Однако, как потом выяснилось, огневая система противника так и не была подавлена. До 5 марта соединения и части 5-й армии на отдельных направлениях овладели первой линией траншей и отдельными опорными пунктами. Дальнейшее продвижение было задержано организованным сопротивлением, и армия вынуждена была перейти к обороне. Враг останавливал советскую пехоту заградительным артиллерийским и интенсивным пулеметным огнем. Так, 3 марта в полосе 5-й армии действовали 18 артиллерийских и

восемь минометных батарей противника¹²⁰. С 29 февраля по 5 марта войска армий сумели продвинуться от 2 до 6 км.

Причинами неудач армий Западного фронта в основном являлись недостаточное руководство боем со стороны командования, в частности 5-й армии, слабая организация взаимодействия пехоты с танками и артиллерией, плохое материальное обеспечение¹²¹. Представители Генерального штаба Красной армии при штабе Западного фронта полковники Серебряков и Харитонов отмечали, что «проведенные операции по своему замыслу не имеют глубокого размаха и, по существу, являются булавочными уколами по противнику»¹²².

Систематическое начало артиллерийской подготовки с залпа РС «катюш» давало основание командованию группы армий «Центр» полагать, что вслед за этим начнется советское наступление. Пленные немецкие солдаты и офицеры на допросах подтверждали, что самые большие потери их войска несли от внезапно начинавшегося 5–10-минутного огневого налета. Более продолжительные огневые налеты давали возможность им уйти в укрытие.

Наступление не достигало своей цели еще и потому, что во время артиллерийской подготовки стрелковые подразделения запаздывали подняться и стремительно броситься в атаку. Благодаря этому вражеская пехота успевала выбраться из укрытий, изготовиться для стрельбы и открыть огонь прежде, чем в их окопы врывается советская пехота. Эта операция, как, впрочем, и другие операции Западного фронта, показала, что до тех пор, пока артиллерия и авиация не проложат дорогу пехоте, не дадут ей возможности сойтись с врагом, успеха не будет.

Укомплектованность армий была явно недостаточной. Так, на 2 марта в стрелковых дивизиях в строю имелось не более 3,5–4,6 тыс. человек¹²³.

Наконец, на витебском направлении 6-й немецкий армейский корпус оказывал упорное сопротивление войскам правого крыла Западного фронта. Противник, учитывая угрозу на этом направлении, подтянув с других участков артиллерию и часть пехоты, перешел в контратаки. Бывший генерал вермахта Хайдкаммер вспоминал об этом: «Стратегия — это система выручки». Эти слова Мольтке в переносном смысле, как никогда, подходят для характеристики наших действий в те дни. Каждую ночь колоннами грузовых автомобилей производились перемещения войск. Батальоны, которые еще вчера вели тяжелые оборонительные бои северо-восточнее Витебска, сегодня сражались восточнее города. Другие, отражавшие сегодня атаки противника на юго-восточном участке фронта, в следующую ночь отправятся в другое место, где утром ожидается новая атака. Нигде сил не хватало. Могла помочь только постоянная выручка»¹²⁴. Проведенные мероприятия позволили фашистам задержать наступление советских войск.

В это же время соединения и части 31-й армии продолжали оборонять занимаемые позиции и готовились к проведению наступательной операции на оршанском направлении. С 1 по 4 марта в этой армии было сосредоточено восемь стрелковых дивизий, из них в первом эшелоне — три, во втором — пять, а также три артиллерийские бригады, шесть артиллерийских полков РК, танковая бригада, два танковых полка (всего 80 танков). Артиллерийская плотность составляла 100 стволов на 1 км фронта. Советским войскам противостояли пехотная дивизия, три артиллерийских полка и до 35 танков¹²⁵. 31-я армия превосходила противника по людям в 1,7 раза, по артиллерии и минометам — в 1,5 раза, по танкам и САУ (штурмовым орудиям) — в 1,2 раза, а на направлении главного удара она имела абсолютное превосходство¹²⁶.

Армия получила задачу ударной группировкой на своем левом фланге внезапной атакой прорвать оборонительную полосу противника на участке Осинстрой — Пушай, ударом в общем направлении вдоль Минского шоссе с ходу овладеть промежуточными оборонительными позициями врага и выйти на рубеж Выдрица — Коробище — Андрияново — Пугачево — Гатьковщина. В дальнейшем соединения и части армии должны были освободить г. Оршу.

В период с 29 февраля по 3 марта в 31-ю армию были переданы из 49-й армии 61-й и 62-й стрелковые корпуса, а также некоторые другие части усиления. Поэтому при подготовке наступления особое внимание уделялось контролю выполнения во вновь прибывших со-

Заправка топливом самоходной артиллерийской установки

Брошенный немецкий десятиствольный реактивный миномет

единениях указаний командующих войсками фронта и армией по достижению внезапности наступления, сохранению в тайне его замысла, своевременному выполнению мероприятий по сосредоточению войск на направлениях нанесения удара.

Сосредоточение войск в новых районах в основном прошло скрытно кроме отдельных случаев нарушения маскировки. В целях дезинформации противника штаб 31-й армии организовал демонстрацию сосредоточения войск на второстепенном направлении, где усиливалось движение автомашин ночью с включенными фарами.

5 марта в 9 часов 30 минут войска ударной группировки армии после 50-минутной артиллерийской подготовки перешли в наступление¹²⁷. Преодолевая развитую систему оборонительных сооружений, густую сеть минных полей и отражая контратаки противника силами от батальона до полка пехоты, поддержанными 15–20 танками, части стрелковых дивизий с трудом продвигались вперед. Враг не выдержал натиска советской пехоты и на участке Осинстрой — Лобаны оставил первую линию траншей и поспешно отошел¹²⁸. «Кроме того, одновременно с главным ударом проводились отвлекающие атаки, чтобы вынудить обороняющихся распылить свои силы, — отмечают военные историки Германии. — Хотя прием был новым, но и на этот раз наступление не удалось»¹²⁹.

Вместо того чтобы стремительно преследовать отступавшего противника и на его плечах ворваться во вторую линию траншей, советская пехота задержалась в первой линии траншей, ружейно-пулеметного огня практически не вела и тем самым дала возможность врагу оторваться. В последующие дни ни усилия пехоты, ни ввод в сражение 220-й стрелковой дивизии не изменили положение. Момент был упущен, и стрелковые подразделения дальше ходов сообщений между первой и второй траншеями противника не продвинулись.

К исходу 8 марта части армии вклинились в оборону на глубину около 1 км. Враг заградительным и фланкирующим пулеметным огнем сдерживал наступавшие войска. Объясняется это тем, что огонь советской артиллерии был запланирован только на направлении главного удара¹³⁰.

Противник, восстановив утраченное после артиллерийского и минометного налета положение, перешел в наступление силами до двух полков пехоты 78-й пехотной дивизии, поддержанной бомбардировочной авиацией¹³¹. В результате ему удалось выбить подразделения 31-й армии с правого берега р. Черница.

Причины неудач этой операции все те же: промахи в управлении войсками и невыполнение основных требований Полевого устава; слабая выучка пехоты; плохая организация взаимодействия между родами войск и внутри них; недостаточные подготовка и материальное обеспечение; у командиров батальонов не было крупномасштабных и кодированных карт, хотя они должны были их иметь еще за два-три дня до наступления¹³².

К 21 марта командование 33-й армии подготовило наступательную операцию на богушевском направлении. Для ее проведения было сосредоточено девять стрелковых дивизий, из них в первом эшелоне — шесть, во втором — три, а также десять артиллерийских бригад, шесть артиллерийских полков РГК, пять танковых бригад, четыре самоходных артиллерийских полка (всего 73 танка). Артиллерийская плотность составляла 100–150 стволов на 1 км фронта.

Противник имел две пехотные дивизии, до пяти артиллерийских полков и около 40 танков¹³³.

Соединения и части армии должны были прорвать оборону неприятеля на участке Зазыбы — Дрыбино, уничтожить его части и, развивая успех в общем направлении Языково — Алеськово, перерезать участок железной дороги Витебск — Орша. 42, 173, 215 и 199-я стрелковые дивизии, усиленные 23-й и 213-й танковыми бригадами и артиллерией, получили приказ прорывать оборону врага. 164, 214 и 144-я стрелковые дивизии, а также 36-я стрелковая бригада должны были на участке Шапуры — озеро Замошье сковывать силы противника¹³⁴.

21 марта левофланговые соединения и части 33-й армии перешли в наступление¹³⁵. Они вклинились во вражескую оборону от 1 км до 4 км и вышли на рубеж Шарки — Поднивьё — Ефременки, (иск.) Слобода, (иск.) Бураки, освободив несколько населенных пунктов.

23 марта армия возобновила наступление вдоль шоссе Витебск — Орша и, преодолевая упорное сопротивление противника, выбила его из опорного пункта Шарки — Кузменцы — Ефременки¹³⁶. Несмотря на массовый героизм советских воинов, уже на следующий день стрелковые подразделения были вынуждены оставить Шарки.

Несмотря на кажущуюся тщательность мероприятий по подготовке операции, успеха она не имела. Оказалось, что в звене «батальон — рота» наступление планировалось только на бумаге, а его материальное обеспечение в целом было недостаточным. Судя по архивным источникам, к началу операции армия имела «снарядов 45-мм — 1,3 боекомплекта, 76-мм полковой артиллерии — 1 боекомплект, 76-мм дивизионной артиллерии — 1,2 боекомплекта, 122-мм гаубичных — 1,2 боекомплекта, 122-мм пушечных — 1,3 боекомплекта, 152-мм гаубичных — 1,4 боекомплекта, 152-мм пушечно-гаубичных — 2,5 боекомплекта, мин 82-мм — 2,3 боекомплекта, 120-мм — 1,3 боекомплекта, винтовочных патронов — 1,3 боекомплекта, автоматных патронов — 1,5 боекомплекта»¹³⁷.

Существенные упущения выявились и в сохранении в тайне плана наступательных действий. Еще 15 марта красноармейцы знали о предстоящем наступлении. В этот же день на участке 2-го батальона 53-го немецкого пехотного полка, в районе восточнее Дрыбино, перешел на сторону врага красноармеец. Перебежчик показал, что «в ближайшие дни русские предпримут здесь наступление»¹³⁸.

Соединения и части 33-й армии, наступавшие только на богушевском направлении в течение короткого времени дважды, но ни разу не добившиеся успеха, постепенно теряли уверенность в своих силах и возможностях.

На богушевском направлении предприняла попытку перейти в наступление и 5-я армия. Оно должно было проводиться совместно с 33-й армией. 21 марта после 25-минутной артподготовки соединения и части 5-й армии атаковали противника на рубеже Зазыбы — Косачи — Горы в южном направлении и, прорвав передний край обороны, продвинулись от 1,5 до 2 км¹³⁹. На следующий день правофланговые соединения и части армии продолжили наступление. При этом 157-я стрелковая дивизия, имевшая в строю всего 3702 человека, и 97-я стрелковая дивизия, насчитывавшая 3893 человека, с трудом решали поставленные задачи. Преодолевая упорное огневое сопротивление и контратаки противника, они вышли к рекам Суходровка и Лососина. Враг, опираясь на подготовленный оборонительный рубеж в районе этих рек, заградительным артиллерийским огнем отражал все атаки. И все же два полка 157-й стрелковой дивизии, форсировав Лососину северо-западнее Черкасс, овладели первой линией траншей противника.

Как и в 33-й армии, в действиях 5-й армии отмечались существенные недостатки. Ее стрелковые подразделения в бою терялись, огонь по вражеской пехоте не вели. Артиллерия 5-й армии, имея на 5,5 км фронта 615 орудий и минометов (у противника их было всего 76), из-за отсутствия снарядов и недостаточной боевой выучки артиллеристов не смогла подавить огневую систему врага и оказать необходимую помощь пехоте. Например, 24 марта вышедшие из деревни Шведы два «фердинанда» в течение 30—40 минут обстреливали советскую пехоту. Она залегла, но артиллерия из-за отсутствия снарядов необходимых калибров не смогла оказать ей поддержку и уничтожить вражеские штурмовые орудия.

28 марта командование войск Западного фронта решило возобновить наступление на богушевском направлении силами 33-й и 5-й армий. Однако вновь назначенный командующим войсками 33-й армией генерал И. Е. Петров (с 13 марта 1944 г.) доложил в штаб фронта, что продолжать наступление он не может, поскольку обещанные армии боеприпасы до сих пор не доставлены. Только в 10 часов 45 минут 33-я и 5-я армии возобновили наступление на прежних направлениях. Но оно вновь было остановлено организованным сопротивлением противника¹⁴⁰. Обе армии, так и не выполнив задачи командования Западного фронта, перешли к обороне.

В результате наступления на богушевском направлении с 21 по 29 марта советские войска вклинились в оборону противника от 1 до 3,5 км.

Тем не менее английский военный историк Б. Лиддел Гарт подчеркивал: «Хотя в течение зимы русским не удалось прорвать оборону противника на этом участке фронта, Буш и его подчиненные хорошо понимали, насколько близки были русские к успеху, и теперь сомневались, сумеют ли они выдержать новый удар в благоприятных для наступающих условиях»¹⁴¹.

По официальной версии в апреле 1944 г. с целью выяснения причин неудач Западного фронта Ставка ВГК направила комиссию в составе члена Государственного Комитета Обороны, секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова (председатель), начальника Главного политического управления Красной армии генерал-полковника А. С. Щербакова, начальника Оперативного управления Генерального штаба Красной армии генерал-полковника С. М. Штеменко, заместителя начальника Генерального штаба — начальника Главного разведывательного управления генерал-лейтенанта Ф. Ф. Кузнецова и начальника Управления устройства тыла и снабжения Генерального штаба Красной армии генерал-лейтенанта А. И. Шимонаева с привлечением офицеров из Наркомата обороны.

В докладе комиссии на имя Верховного главнокомандующего по итогам работы в органах управления и войсках Западного фронта отмечено много недостатков в организации и проведении наступательных операций. Но при этом их главная причина, как представляется, замалчивается. Ее суть связана с просчетами, допущенными со стороны Ставки ВГК, Генерального штаба и представителя Ставки ВГК маршала артиллерии Н. Н. Воронова, которые неверно оценивали силы и возможности противника на центральном направлении советско-германского фронта. Враг, полагали они, настолько ослабел в ходе летней кампании 1943 г., что не способен сдержать наступление Красной армии в Восточной Белоруссии.

Ставка ВГК, Генеральный штаб Красной армии и командование Западного фронта не учитывали, что противник более чем за два года создал в Белоруссии прочную и эшелонированную в глубину оборону, причем на местности, весьма выгодной для ее ведения¹⁴². Операция по ее прорыву требовала тщательной подготовки и всестороннего обеспечения привлекаемых войск и сил. Необходимо было учитывать, что в результате предшествовавшей Смоленской наступательной операции войска Западного фронта понесли большие потери и нуждались в передышке. Тем не менее Ставка ВГК настаивала на продолжении наступления, к тому же по разобщенным направлениям.

Периодически отправляя директивы генералу армии В. Д. Соколовскому, Ставка ВГК и Генеральный штаб Красной армии не оказывали ему необходимую помощь. Еще осенью 1943 г., после неудачного исхода первых операций, напрашивался вывод о бесперспективности продолжения наступления на витебском, оршанском и богушевском направлениях. Следовало искать другие, более приемлемые решения. Но Ставка ВГК не соизмерила силы и возможности Западного фронта с поставленными задачами и в целом с оперативно-стратегической обстановкой.

Укомплектованность 39, 33, 31 и 5-й армий личным составом и военной техникой оставалась низкой. Потери восполнялись не более чем на 30–50% от потребностей. 1-я воздушная армия, обеспечивавшая наступление войск Западного фронта, располагала только половиной положенных по штату боевых самолетов. Фронт имел всего один 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус, а армии фронта — по одной танковой бригаде и отдельному танковому полку.

Ставка ВГК, видимо, считала, что Западный фронт должен выполнять второстепенные задачи. Поэтому она держала его на так называемом «голодном пайке», направляя основные силы на решение стратегических задач на северное и южное крылья советско-германского фронта. Наспех подготовленные командованием армий Западного фронта наступательные операции привели к нерациональному расходованию сил и средств, в том числе и боеприпасов. Так, Западный фронт израсходовал 17 661 вагон боеприпасов. За это же время Белорусский — 12 335, 1-й Украинский — 10 545, 4-й Украинский — 8463 вагонов¹⁴³.

Управление войсками в ходе операций со стороны командующего и штаба фронта, командующих 39, 33, 31 и 5-й армиями осуществлялось чаще всего директивным методом. Эти руководители находились на значительном удалении от наступавших войск и общались с

подчиненными лишь по техническим средствам связи. Штаб фронта, как отмечалось в докладе комиссии, от планирования операций был отстранен и фиксировал только ход событий, развивавшихся по планам штабов армий. Штабные работники, как правило, исходили из того, что их основная функция — исполнение воли и задач, поставленных командующими. Они не смели претендовать даже на какую-то относительную самостоятельность. Такой подход негативно отражался на всем процессе управления войсками.

Армейские наступательные операции планировались и проводились на разобщенных направлениях. При этом командующий войсками фронта имевшиеся в его распоряжении силы и средства переподчинял армиям, не оставляя для себя возможности каким-либо образом влиять на ход операций. В наступлении армии имели глубокое оперативное построение. Аналогичным образом строились боевые порядки корпусов, дивизий и полков. В итоге в выполнении задач по прорыву обороны и разгрому противника одновременно участвовало недостаточное количество сил и средств. Крайне не оперативно реагировал на запросы войск Военный совет фронта.

В Западном фронте отмечались серьезные недостатки в работе командиров и штабов тактического звена управления. При подготовке наступления и проведении перегруппировок войск не соблюдалась скрытность, не принимались меры по дезинформации противника. В результате почти все операции протекали в условиях готовности неприятеля к отражению наступления советских войск. В ряде случаев молодое пополнение вводилось в строй без соответствующей подготовки.

Больше всего недостатков комиссия вскрыла в 33-й армии, которая чаще других объединений наступала на главном направлении фронта. Общие потери 33-й армии в наступательных операциях составили 50% от потерь всего Западного фронта.

В соединениях и частях 39, 33, 31 и 5-й армий слабо были отработаны разведка и вскрытие вражеских огневых средств. Поэтому во время артиллерийской подготовки или налета они не поражались прицельным огнем и быстро «оживали» с началом атаки советской пехоты и танков. Особенно низкой эффективностью отличалась контрбатареиная борьба.

В соединениях и частях Западного фронта излишне много сил и средств оставлялось в обороне, в том числе на пассивных участках. Даже в условиях, когда обстановка позволяла, во фронте не практиковался вывод соединений и частей в ближайший тыл для проведения с ними учений и тренировок по наступательному бою в условиях лесисто-болотистой местности. В результате ограниченности сроков подготовки к очередным наступательным операциям личный состав вводился в бой без целенаправленной боевой учебы¹⁴⁴.

В решении важнейших оперативно-тактических вопросов негативно отражались шаблон и схематизм, проявляемый со стороны командного состава, отсутствие у некоторых руководителей гибкости и военной хитрости. Удары по противнику наносились, как правило, на одних и тех же направлениях. Бывший генерал вермахта Ф. Меллентин писал: «Шаблон в подготовке командиров мелких подразделений приводил к тому, что они приучались не выходить за рамки уставов и наставлений и лишались инициативы и индивидуальности, что является очень важным для хорошего командира»¹⁴⁵.

Некоторые командующие армиями, командиры корпусов, дивизий, полков и соответствующие им штабы мало и крайне беспредметно занимались практической работой непосредственно среди подчиненных, своевременно и должным образом не нацеливали их на выполнение предстоящих боевых задач.

При таких подходах к организации боевых действий во фронте и входящих в его состав объединениях, соединениях и частях трудно было надеяться на успех наступления. Очень часто под впечатлением предыдущих неудач очередные атаки войск 33, 39, 31 и 5-й армий начинались неорганизованно и неуверенно. Нередко танки непосредственной поддержки пехоты отрывались от нее и вели бой самостоятельно. Из-за того что передовые стрелковые подразделения задерживались с атакой или быстро не продвигались за разрывами снарядов артиллерии, расстраивалась спланированная артиллерийская и авиационная поддержка атаки. Всё это приводило к большим и неоправданным потерям. В подготовке и ведении

боевых действий, предопределявших неудачи наступательных операций Западного фронта, было немало и других недостатков.

Впоследствии командование 3-го Белорусского фронта, образованного 24 апреля 1944 г. в результате переименования Западного фронта, в своей работе сосредоточивало внимание на ликвидации тех недочетов, которые были отмечены комиссией¹⁴⁶. Новый командующий войсками фронта генерал И. Д. Черняховский управление войсками стал осуществлять через штаб фронта, ставя перед ним конкретные задачи и требуя неукоснительного их выполнения. 3-й Белорусский фронт был лучше укомплектован, обеспечен боеприпасами и усилен танковыми, артиллерийскими и авиационными соединениями.

До конца марта 1944 г. войска Западного фронта продолжали попытки вести наступление на витебском, богушевском и оршанском направлениях. Их действия приводили лишь к небольшим вклинениям в оборону противника. Но они держали 4-ю немецкую армию в постоянном напряжении, сковывали ее войска, не позволяли германскому командованию снимать силы и средства и перебрасывать их на другие направления.

Рассматривая события зимне-весенней кампании в целом, немецкие историки пришли к выводу, «что в успехе обороны во время зимних сражений под Витебском уже был зародыш поражения будущим летом. Именно к тому времени Красной армии действительно удалось окружить Витебск так, что у его защитников не осталось шансов выбраться из ловушки. Это и стало началом гибели группы армий «Центр»¹⁴⁷.

Неудачные действия войск Западного фронта диссонировали с грандиозными победами Красной армии на Правобережной Украине, при разгроме вражеских войск под Ленинградом и Новгородом, а отчасти и с успешными действиями войск Белорусского фронта в Полесье.

Наступление в Полесье

На центральном участке советско-германского фронта основные события зимой 1944 г. развернулись не только на витебском и оршанском, но и на бобруйском направлении. После войны бывший командующий Белорусским фронтом маршал К. К. Рокоссовский вспоминал: «Наша задача — активными действиями приковать к себе как можно больше вражеских сил и тем самым облегчить наступление на главном направлении»¹⁴⁸. И войска фронта прилагали все усилия, чтобы выполнить эту задачу. На крупные успехи они не рассчитывали, но и на месте не стояли.

Здесь, в центре Полесья, оборонявшаяся 2-я немецкая армия (генерал пехоты В. Вейс) опиралась на два мощных узла сопротивления — города Калинковичи и Мозырь. Командование группы армий «Центр» понимало, что советские войска, овладев этими городами, глубоко вклинятся в ее расположение. Поэтому оно определило войскам задачу измотать и обескровить противостоявший им Белорусский фронт.

Противником на данном направлении предусматривалось сочетание широких оборонительных действий с наступлением на уязвимых для советских войск направлениях. Для этого командование группы армий «Центр», не скованное активными действиями на смежных участках восточного фронта, имело возможность перебрасывать на угрожаемые направления дополнительные силы и средства, меняя тем самым их соотношение в свою пользу.

Выгодные для обороны условия местности способствовали врагу в создании на мозырском направлении сильной системы обороны¹⁴⁹. Здесь держали оборону девять пехотных и две танковые дивизии, три дивизиона штурмовых орудий, кавалерийский полк, которые были в полной мере оснащены всеми видами военной техники¹⁵⁰.

Очевидно, руководство вермахта догадывалось о планах советского командования по освобождению городов Калинковичи и Мозырь. Поэтому оно готово было бросить в бой оставленные в тылу венгерские дивизии, предназначавшиеся для борьбы с партизанами.

Задача Белорусского фронта (3, 48, 50, 61, 63¹⁵¹, 65-я общевойсковые и 16-я воздушная армии) на начало 1944 г. была определена директивой Ставки ВГК, в которой указывалось: не позднее 8 января предпринять наступление своим левым крылом, разбить мозырскую группировку противника, охватывая ее с севера и с юга, и к 12 января освободить Калинковичи и Мозырь. В дальнейшем следовало «наступать, нанося удар главными силами фронта в общем направлении на Бобруйск, Минск. Частью сил действовать вдоль реки Припять на Лунинец»¹⁵².

В Калинковичско-Мозырской операции были задействованы 65-я и 61-я армии, а также значительная часть сил 16-й воздушной армии. Генерал армии К. К. Рокоссовский усилил соединения и части обеих армий за счет других войск фронта. После этого в 65-й армии стало десять стрелковых дивизий и 1-й гвардейский танковый корпус, а в 61-й армии — шесть стрелковых дивизий и танковая бригада. На это направление с правого фланга были подтянуты основные силы 4-го артиллерийского корпуса прорыва, две артиллерийские дивизии прорыва и минометная дивизия, две отдельные артиллерийские бригады и несколько дивизий армейского резерва. К 5 января 1944 г. части 2-го и 7-го гвардейских кавалерийских корпусов, находившиеся в оперативном подчинении 61-й армии, сосредоточившись в лесах северо-восточнее Гажина, готовились к выполнению поставленных перед ними задач. Численность советских войск составляла 232 600 человек. К операции привлекались также партизаны Гомельского, Полесского и Минского партизанских соединений.

На участках прорыва 65-й и 61-й армий для обеспечения быстрого взлома вражеской обороны было создано 2–4-кратное превосходство над противником в артиллерии¹⁵³.

В соответствии с замыслом командующего войсками Белорусского фронта армии получили следующие задачи: 65-я — с севера ударом левого фланга из района Холодничи, 61-я — с юга ударом правого фланга из района Глинная Слобода в общем направлении на Калинковичи и Мозырь, а с юго-запада одновременным охватом силами 2-го и 7-го гвардейских кавалерийских корпусов из района Калинковичи — Мозырь разгромить вражеские войска и освободить оба города, а в дальнейшем выйти на рубеж р. Птичь¹⁵⁴.

Обширная лесисто-болотистая Полесская низменность со множеством рек, ручьев и канав, слабо развитой дорожной сетью и к тому же теплая зима создавали огромные трудности при наступлении¹⁵⁵.

Основная задача военных советов фронта и армий, а также политотделов армий, корпусов и дивизий заключалась в обеспечении на всем протяжении операции высокого боевого духа и наступательного порыва у личного состава. При этом учитывалась необходимость предостеречь воинов как от недооценки, так и от переоценки сил противника.

8 января 61-я армия после 45-минутной артподготовки в 9 часов 50 минут правофланговыми соединениями и частями перешла в наступление в направлении на Калинковичи и продвинулась от 1 до 6 км¹⁵⁶.

В этот же день после 40-минутной артиллерийской подготовки 65-я армия перешла в наступление в направлении на Озаричи. Продвинувшись за день от 2 до 4 км¹⁵⁷, ее соединения и части перерезали железную и шоссейную дороги Калинковичи — Жлобин.

Уже на первоначальном этапе операции боевые действия приняли упорный характер. Советские войска с трудом «продавливали» вражескую оборону. Командующий войсками фронта требовал действовать решительно, днем и ночью, не допуская пауз, при этом просил «отличившихся в боях щедро награждать, а всех, кто не выполнит поставленной задачи, сурово наказывать»¹⁵⁸.

После прорыва передовой оборонительной полосы генерал армии К. К. Рокоссовский ввел в сражение южнее Мозыря 2-й и 7-й гвардейские кавалерийские корпуса с задачей «отрезать пути отхода мозырской группе войск противника на запад и юго-запад»¹⁵⁹. Белорусские партизаны провели оба корпуса лесными дорогами из района Ельска в тыл калинковичской и мозырской вражеским группировкам. При этом подразделения и части сами прокладывали колонные пути.

В первой половине дня 8 января полки 14-й и 16-й гвардейских кавалерийских дивизий 7-го гвардейского кавалерийского корпуса вышли в район Ромезы. Упорное сопротивление

здесь врага объяснялось тем, что с захватом этого района соединения конницы выходили во фланг и тыл важному узлу сопротивления на мозырском направлении, на который германское командование возлагало большие надежды как на непреодолимый для советских войск. После ожесточенного боя Ромезы были полностью очищены от противника. Среднесуточное продвижение кавалерийской группы составляло от 5 до 9 км¹⁶⁰.

В течение 10–12 января войска левого крыла Белорусского фронта, отражая неоднократные контратаки врага, вели бои в направлениях Озаричи и Калинковичи, а подвижными частями наступали на Мозырь, обходя его с запада¹⁶¹. Продвинувшись 10 января от 4 до 12 км, кавалеристы освободили свыше 70 населенных пунктов¹⁶².

В тех боях отличился командир зенитного пулемета 18-го отдельного дивизиона ПВО 14-й гвардейской кавалерийской дивизии гвардии старшина М. В. Маслов. 10 января при отражении контратаки противника под Мозырем он уничтожил пулеметную точку и более десяти вражеских солдат. Подвиг гвардии старшины был отмечен орденом Славы 3-й степени¹⁶³. Пулеметчик закончил войну полным кавалером ордена Славы.

2-й гвардейский кавалерийский корпус в этот же день наступал на Петриков. Сбив противника с занимаемого рубежа, он к исходу дня вышел на линию Осовец — Зимова Буда — Убортская Рудня¹⁶⁴. Стремясь задержать его продвижение к Припяти, враг неоднократно переходил в контратаки. Кавалеристы перерезали железную дорогу Мозырь — Петриков, что парализовало тыл врага, а его оборонявшиеся войска лишило снабжения. Командованию группы армий «Центр» пришлось распорядиться об отходе своих сил в северо-западном направлении¹⁶⁵.

11 января 7-му гвардейскому кавалерийскому корпусу было приказано во взаимодействии с частями 415-й стрелковой дивизии освободить Мозырь и частью сил переправиться на левый берег Припяти¹⁶⁶. Противник, укрепляя свою оборону на подступах к городу, еще накануне перебросил на рубеж Загорины — Редька — Дрозды — Козинки дополнительно два батальона пехоты.

Когда советские войска начали преследование врага, 16-я воздушная армия удачно использовала истребители для штурма железной и шоссейной дорог на участке Калинковичи — Птичь. Авиаполки выполняли по три вылета в день. Именно по этим коммуникациям командование 2-й немецкой армии отводило свои войска и военную технику.

11 января командующий войсками Белорусского фронта изменил направление наступления 2-го гвардейского кавалерийского корпуса, приказав ему перерезать железную дорогу Калинковичи — Житковичи¹⁶⁷. Танкисты 1-го гвардейского танкового корпуса генерала танковых войск М. Ф. Панова вышли в район Кошичи, что 15 км южнее Озаричей, и стали с севера развивать успех на Калинковичи¹⁶⁸.

Наступавшая на главном направлении 162-я стрелковая дивизия попала под такой сильный огонь, что не смогла занять даже первую траншею вражеской обороны¹⁶⁹. С наступлением темноты она демонстративно усилила атаки. А тем временем соединения и части 65-й армии, в том числе большая часть артиллерии, совершали марш в район Макановичей. К рассвету три стрелковые дивизии заняли исходное положение для нанесения удара.

В 12 часов 14 января передовые батальоны при поддержке артиллерии начали атаку. «Это была, по существу, разведка боем, но она оказалась настолько успешной, что атакующие без потерь захватили первую траншею и завязали бой в глубине обороны, — вспоминал бывший командующий 65-й армией генерал армии П. И. Батов. — Развивая этот успех, бойцы тотчас нанесли удар главными силами всех дивизий первого эшелона 65-й армии. Через три часа полоса вражеской обороны была прорвана. Войска вошли на окраину Калинковичей и завязали бой на улицах города»¹⁷⁰.

Вскоре город был освобожден. Потеряв сильный опорный пункт и железнодорожный узел Калинковичи, противник окончательно лишился рокады Жлобин — Калинковичи. Тем самым план командования группы армий «Центр» объединить жлобинскую и калинковичскую группировки провалился.

Еще в ночь на 14 января передовые кавалерийские части ворвались на западную окраину Мозыря. Главные силы 14-й и 15-й гвардейских кавалерийских дивизий, 55-й и 415-й

Германская пехота в обороне

Экипаж «тридцатьчетверки» под командованием старшего лейтенанта М. Кузьмина у боевой машины

стрелковых дивизий разгромили части 251-й немецкой пехотной дивизии и при участии Мозырской партизанской бригады под командованием А. Л. Жильского освободили Мозырь¹⁷¹. «Ликвидация вражеских войск в районе Мозырь, Калинковичи обеспечила правый фланг 1-го Украинского фронта, а 61-я и 65-я армии создали себе выгодные условия для дальнейших наступательных боев», — писал после войны генерал армии П. И. Батов¹⁷².

15 и 16 января после перегруппировки 65, 61 и 48-я армии возобновили наступление. Однако развивалось оно медленно, потому что командование 2-й немецкой армии перебросило в полосу наступления 61-й и 65-й армий до двух пехотных дивизий, три дивизиона штурмовых орудий и семь охранных батальонов. Советские же войска из-за неполной укомплектованности личным составом и военной техникой не смогли создать достаточного превосходства. К тому же действовать в условиях лесисто-болотистой местности да еще в распутицу становилось все труднее.

И все же войска фронта к концу января отбросили врага к низовьям р. Птичь и к Петрикову¹⁷³. При этом соединения 61-й армии, чтобы не утратить соприкосновения с правым флангом успешно наступавшей 13-й армии 1-го Украинского фронта, своим левым флангом продвигались вдоль правого берега Припяти в направлении Столина. Стремясь обезопасить правое крыло группы армий «Центр», ее командование было вынуждено также растянуть правый фланг 2-й армии вдоль северного берега Припяти.

Наступавшая 65-я армия, уничтожив почти 10 тыс. солдат и офицеров противника, освободила свыше 90 населенных пунктов¹⁷⁴. 21 января после упорного боя ее соединения и части взяли один из сильнейших опорных пунктов врага — Озаричи, а 61-я армия совместно с партизанами 23 января освободили г. Лельчицы.

Позднее, уже в марте, разведчики 37-й гвардейской стрелковой дивизии в болотах севернее Озаричей обнаружили созданные оккупантами три концлагеря. Здесь томились и умирали более 33 тыс. советских граждан. Приказа на уничтожение узников командование вермахта не отдавало, а разместило в лагерях 275 больных сыпным тифом, которые должны были заразить всех остальных. 7 апреля 1944 г. Президиум Верховного Совета Белорусской ССР выразил благодарность воинам 65-й армии за спасение мирного белорусского населения.

30 января с выходом советских войск в район рек Ипа, Припять и Птичь наступление было остановлено. В результате Калинковичско-Мозырской операции Белорусский фронт продвинулся на 30–40 км, а на отдельных направлениях — до 60 км. Они охватили бобруйскую группировку противника с юга, что в дальнейшем облегчило ее разгром в ходе стратегической операции «Багратион». Советские войска потеряли 12 350 человек убитыми (5,3% от численности войск к началу операции) и 43 807 ранеными¹⁷⁵.

Большую роль в успехе наступления сыграли тесная связь командования фронта с партизанскими отрядами и их грамотное применение.

Наступление войск Белорусского фронта выгодно отличалось от действий соседних 1-го Прибалтийского и Западного фронтов. Решающий фактор — маневр 2-го и 7-го гвардейских кавалерийских корпусов. Хотя Генеральный штаб их действия оценил как «неудовлетворительные (нерешительность, нецелеустремленность, распыление сил, несогласованность действий с ударной группой 65-й армии)»¹⁷⁶, угроза выхода кавалерийских корпусов на пути отхода неприятеля резко снизила его способность оборонять свои позиции и заставила командование 2-й армии принять решение на отход.

По оценке К. Типпельскирха, в середине января 1944 г. 2-я армия была под угрозой полного окружения. Лишь ценой огромных усилий ее командованию удалось вывести соединения и части из-под удара, и «ей в самый последний момент удалось избежать окружения»¹⁷⁷.

Подводя итоги операции, Военный совет Белорусского фронта отмечал в действиях войск не только положительные результаты, но и вскрыл недостатки. Так, в директиве от 14 февраля 1944 г. указывались серьезные недочеты в применении артиллерии: она вела огонь не по разведанным и конкретным целям, а по площадям, расточительно расходуя боеприпасы. Кроме того, отмечалась низкая эффективность артиллерийских и минометных частей и соединений.

За период с 8 по 20 января 65-я армия израсходовала 368 вагонов боеприпасов, несмотря на то что ее среднесуточные темпы продвижения не превышали километра, а 61-я армия лишь 19 января использовала 27 173 снаряда и мины, продвинувшись всего на несколько десятков метров¹⁷⁸. В директиве Военный совет фронта потребовал от командиров и штабов соединений и частей основательно готовить к боевым действиям артиллерию, исключить бесцельную стрельбу, добиться тесного взаимодействия артиллерии с войсками и танками непосредственной поддержки пехоты.

Завершив Калинковичско-Мозырскую операцию, Белорусский фронт (с 17 февраля 1944 г. — 1-й Белорусский фронт) перенес усилия на правое крыло — против рогачевско-жлобинской группировки противника, насчитывавшей около семи пехотных дивизий¹⁷⁹.

В Рогачевско-Жлобинской наступательной операции планировалось участие 3-й армии при содействии 50-й и 48-й армий. Операцию должна была обеспечивать 16-я воздушная армия. После разгрома вражеской группировки этим армиям предстояло захватить оперативный плацдарм на правом берегу Днепра, что создавало благоприятные условия для ведения наступления на бобруйском направлении.

Советским войскам противостояли 9-я (генерал танковых войск Й. Харпе) и часть сил 4-й (генерал-полковник Г. Хейнрици) немецкой полевой армии. Передний край их обороны проходил по крутому правому берегу Днепра, а города Жлобин и Рогачев были превращены в сильные узлы сопротивления.

В то время как соединения и части 3-й армии вышли к Днепру на участке Хачинки — Гадиловичи, находившаяся справа 50-я армия перешла к обороне. Действовавшая слева 63-я армия вела безуспешные бои с противником, удерживавшим плацдарм восточнее Рогачева и Жлобина на левом берегу Днепра.

Согласно замыслу командующего 3-й армией генерала А. В. Горбатова главный удар силами трех стрелковых дивизий планировалось нанести с востока на запад — из Узников на Никоновичи и Вороново, а вспомогательный — одним стрелковым полком 17-й стрелковой дивизии на север в полосе между шоссе Довск — Могилев и Днепром¹⁸⁰.

Командующий 3-й армией решил 4–5 января ликвидировать плацдарм противника, удерживаемый силами 267-й пехотной дивизии на левом берегу Днепра, то есть перед правым флангом армии. Это позволило бы сократить линию фронта и высвободить часть войск для проведения операции по захвату плацдарма на правом берегу реки. Специально подготовленный лыжный отряд 17-й стрелковой дивизии под командованием капитана Тайвокайна в ночь на 4 января уничтожил штаб 267-й пехотной дивизии противника, располагавшийся в деревне Прибор.

4 января утром после артиллерийской подготовки перешедший в наступление 80-й стрелковый корпус нанес удар на Узники и Никоновичи. Стрелковый полк 17-й стрелковой дивизии, которым командовал полковник П. С. Романенко, наступал вдоль Днепра в северном направлении навстречу лыжному отряду, с которым вскоре и соединился. В ходе боя соединения и части продвинулись на 4–5 км, окружив в районе Палки вражеский гарнизон, который был уничтожен.

Командование 9-й немецкой армии пыталось задержать наступавших на рубеже Никоновичи — Усохи, поэтому во второй половине дня сопротивление ее войск заметно возросло. Однако советские войска сумели овладеть и этим рубежом. К исходу 5 января 80-й стрелковый корпус вышел к Днепру. В итоге полоса 3-й армии сократилась на 12 км, а командование группы армий «Центр» лишилось возможности беспрепятственно использовать участок железной дороги Могилев — Рогачев и железнодорожную станцию Быхов, которые теперь находились под постоянным обстрелом советской артиллерии. Соседняя, 50-я армия генерала И. В. Болдина своим левым флангом также продвинулась на 6 км к Днепру.

Наступательная операция 3-й армии достигла цели в результате нанесения внезапного и короткого по времени, но сильного для решения данной задачи удара. Противник не успел ввести свои резервы и помешать наступавшим советским войскам выполнить поставленную задачу.

50-я армия после неудачных попыток выйти во всей своей полосе к Днепру обороняла рубеж Кузьминичи — Столин¹⁸¹. 63-я армия к этому времени, не добившись успеха в попытке сбросить врага с плацдарма в районе Рогачев — Жлобин, перешла к обороне на участке Турск — Проскурня.

48-я и 65-я армии осуществляли наступательные операции на паричском направлении, в междуречье Днепра и Березины. Генеральный штаб, оценивая действия 48-й и 65-й армий в лесисто-болотистой местности, отмечал, что «лобовые атаки на выталкивание противника, кроме потерь в личном составе и расходе материальных сил, ничего не давали»¹⁸².

3-я армия, закрепив за собой очищенный от врага участок фронта, приступила к подготовке операции по захвату плацдарма на правом берегу Днепра¹⁸³. Ее командование при подготовке форсирования Днепра наметило для прорыва участок реки между Шапчинцами и Сверженем, рассчитывая, что именно здесь можно добиться внезапности и быстро освободить Рогачев¹⁸⁴. Но последующий ход событий показал, что оно недооценило трудностей преодоления столь крутого берега, особенно подвижными частями и артиллерией. Это привело к снижению темпов наступления в первый день операции и, следовательно, не позволило в полной мере использовать достигнутую вначале внезапность.

13 февраля 3-я армия получила директиву командования фронта, согласно которой ей передавалась полоса 63-й армии вместе с войсками. В поступившей через пять дней очередной директиве указывалось, что армия генерала А. В. Горбатова, обороняясь частью сил на обоих флангах, должна с утра 21 февраля семью дивизиями со средствами усиления перейти в наступление. Главный удар предстояло нанести на Кистени, Заполье, Поболово и, форсировав Днепр, на третий день операции овладеть рубежом Комаричи — Хомичи — Добрица — Поболово — Тертеж, а также городом и станцией Жлобин¹⁸⁵. В дальнейшем ей ставилась задача развивать успех в общем направлении на Бобруйск. Кроме того, в директиве указывалось, что к 22 февраля армии будет передан в районе Довска 1-й танковый корпус.

Штабу 3-й армии пришлось пересмотреть ранее принятое решение и увеличить стрелковым корпусам глубину задач, исходя из условий обстановки в полосе наступления каждого из них.

К началу операции перед фронтом армии на участке Селец-Холопеев — Проскурня оборонялись 276 (авиаполевая), 31, 45, 707 (охранная), 296, 10 и 6-я пехотные дивизии¹⁸⁶. Оборонительные сооружения противника состояли из двух-трех, а против Шапчинцы и на плацдарме — из четырех-пяти траншей. Они были оборудованы стрелковыми ячейками, площадками для пулеметов, ротных минометов и противотанковых орудий, а также имели разветвленную сеть ходов сообщения.

Второй оборонительный рубеж был подготовлен по берегу Друти, а на плацдарме — по Днепру, который имел здесь ширину 150–300 м и глубину 3–5 м. Пересекаемая протоками и хорошо просматриваемая с высокого берега долина реки имела ширину 2,5–3 км, толщина льда в основном русле не превышала 12 см¹⁸⁷. Из-за оттепели на льду появилось много полыней, а в ряде мест лед отошел от берега. Днепр прикрывали противотанковые рвы с долговременными огневыми точками. В непосредственной близости от переднего края обороны располагалась артиллерия. Все это затрудняло форсирование водной преграды.

Основная роль в операции отводилась 3-й армии. Одновременно 48-я армия должна была нанести удар в направлении Паричи — Бобруйск вдоль правого берега Березины. 50-й армии предстояло ударом с юга овладеть районом Быхова.

3-я армия на главном направлении значительно превосходила противника: в орудиях и минометах — в 8 раз, в танках и самоходных артиллерийских установках — в 3 раза¹⁸⁸.

Нанесением главного удара в обход Рогачева с севера соединения и части 3-й армии достигали сразу две цели: захватывали плацдарм на правом берегу Днепра, а с занятием Рогачева угрожали тылу неприятеля, который оборонял плацдарм на левом берегу, принуждая его к отходу за реку.

Штаб 3-й армии разработал план предстоявшей операции. Ее войска строились в два эшелона. В обороне на правом фланге армии на 25-километровом участке на рубеже Селец-

Холопеев до Шапчинцы планировалось оставить армейский запасной полк и несколько подразделений. Для действий по вражеским тылам и освобождения Рогачева был создан лыжный отряд из двух батальонов 120-й гвардейской стрелковой дивизии. В случае, если не удастся освободить этот город с ходу, отряду предстояло выйти в леса севернее Шибры и, перерезав основные коммуникации, не допускать подхода резервов противника и отхода его войск.

35-му стрелковому корпусу предстояло оборонять вместе со 115-м укрепленным районом участок от Гадиловичей до Проскурни, имея 169-ю стрелковую дивизию во втором эшелоне. В случае обнаружения отхода врага предполагалось перейти к преследованию и на его плечах форсировать Днепр.

К утру 20 февраля все предусмотренные планом мероприятия по подготовке наступления были завершены. Подразделения тыла армии закончили ремонт дорог, мостов и прокладку колонных путей. Артиллерия заняла огневые позиции ближе к уезу Днепра. Однако ей все-таки не доставало боеприпасов: на 20 февраля имелось всего 0,7 боекомплекта выстрелов для пушек и гаубиц калибра 76 мм и 152 мм, а также 1,5 боекомплекта мин¹⁸⁹.

Ровно в полночь 20 февраля лыжный отряд 120-й гвардейской стрелковой дивизии согласно замыслу командования 3-й армии выступил для действий по тылу противника. К 6 часам утра 21 февраля дивизии первого эшелона ударной группировки 3-й армии, используя темноту, скрытно преодолели долину Днепра и по разведанным путям, провешенным телефонным кабелем, в обход промоин во льду заняли исходное положение для атаки на его правом берегу.

В 7 часов 20 минут после 10-минутного артиллерийского налета из 800 орудий и минометов армия перешла в наступление с рубежа Шапчинцы — Гадиловичи¹⁹⁰. К 10 часам дивизии первого эшелона овладели двумя-тремя траншеями, освободили ряд населенных пунктов и продвинулись на 2–3 км.

Так как противник вел по наступающим интенсивный артиллерийско-минометный огонь, продвижение пехоты замедлилось. Часть артиллерии 3-й армии не могла оказать эффективной поддержки, потому что продолжала вести огонь с прежних огневых позиций. Другая ее часть, с большим трудом преодолевая долину Днепра, в это время перемещалась вслед за первым эшелоном. Пушки и гаубицы, которые удалось переправить через Днепр, скукивались из-за невозможности поднять их на крутой правый берег.

Лишь 36-й танковый полк подполковника М. В. Макарикова с помощью саперов с трудом преодолел крутые скаты и с ходу поддержал атаку пехоты на Мадоры. Но танкисты были встречены организованным огнем противотанковой артиллерии и штурмовых орудий противника. Они вынуждены были отойти в боевые порядки стрелковых частей, оставив на поле боя сгоревшие шесть из 16 танков¹⁹¹.

Когда в бой были введены вторые эшелоны полков и дивизий, темпы наступления повысились. Однако враг по-прежнему проявлял большую активность. Используя преимущества местности и подготовленные рубежи обороны, он всеми силами стремился остановить наступление контратаками пехоты при поддержке танков, артиллерии и авиации. Но, несмотря на это, советские войска упорно продвигались вперед.

К исходу 20 февраля 80-й и 41-й стрелковые корпуса захватили плацдарм глубиной до 5 км и шириной 14 км, обеспечивавший дальнейшее наступление армии¹⁹². Тем не менее тактическая зона вражеской обороны не была прорвана прежде всего из-за отставания артиллерии.

Советская артиллерия не успевала за пехотой, несмотря на огромные усилия, которые прилагали артиллеристы и саперные подразделения. К исходу первого дня наступления саперы, сооружая вьезды на крутой берег Днепра, вынули около 10 тыс. кубометров грунта. Только после этого артиллерия 3-й армии смогла занять огневые позиции на возвышенном правом берегу реки.

Командир лыжного отряда, подойдя к Рогачеву, посчитал, что внезапность утрачена, отказался от попытки освободить город и принял решение действовать по вражеским тылам. Выйдя в лес юго-восточнее Старого Села, отряд перерезал коммуникации, идущие от

Рогачева на Мадоры и Быхов, а также участок железной дороги Рогачев — Быхов. В течение всего дня отряд вел бой с подходившими резервами врага, уничтожал его обозы и машины.

Командование 9-й немецкой армии, почувствовав угрозу прорыва обороны, начало перебрасывать на это направление свои части с не подвергшихся атакам участков. Из-под Витебска были переброшены 20-я танковая, а из района Петрикова — 5-я танковая дивизии. К сожалению, из-за низкой облачности авиация 16-й воздушной армии не обнаружила подхода резервов противника, поэтому не смогла воспрепятствовать их выдвиганию к линии фронта.

Для обеспечения правого фланга 3-й армии генерал армии К. К. Рокоссовский приказал командующему 50-й армией с утра 22 февраля перейти в наступление силами не менее трех стрелковых дивизий с ближайшей задачей, переправившись через Днепр в районе севернее Селец-Холопеева, нанести удар в северном и северо-западном направлениях.

Огромную выдержку и умение проявили в этих боях советские воины. Так, еще 20 февраля командир отделения 564-го отдельного саперного батальона старший сержант Т. Х. Бобко из 283-й стрелковой дивизии у деревни Надежда разведкой переправу для артиллерии через Днепр. На следующий день он с отделением проделал проход в проволочном заграждении противника и первым ворвался в его расположение, уничтожив нескольких солдат. 29 февраля он был награжден орденом Славы 3-й степени. Отважный воин в последующем так же храбро сражался и был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, двумя орденами Красной Звезды, орденом Славы 2-й и 1-й степеней, двумя медалями «За отвагу»¹⁹³.

Утром 22 февраля после 10-минутного артиллерийского налета возобновили наступление войска ударной группировки. Для наращивания усилий на главном направлении командующий 3-й армией ввел в сражение 250-ю стрелковую дивизию¹⁹⁴. Преодолевая ожесточенное сопротивление, соединения и части ударной группировки завершили прорыв тактической зоны обороны противника, за день боя они продвинулись от 4 до 8 км и создали угрозу захвата Рогачева.

Успешное продвижение советских войск вынудило командование 9-й немецкой армии начать переброску своих частей на угрожаемое направление. Так, части 6-й пехотной дивизии были переброшены для занятия обороны по рубежу р. Друть с плацдарма южнее Рогачева. Части 5-й танковой дивизии, прибывшей из резерва группы армий «Центр», совместно с частями 31-й пехотной и 221-й охранной дивизий пытались организовать оборону по железной дороге южнее Старого Села¹⁹⁵.

За трое суток боев ударная группировка 3-й армии расширила плацдарм до 25 км по фронту и до 13 км в глубину. 22 февраля 50-я армия, форсировав Днепр в районе Селец-Холопеева, вела бой за Тайманово и Адаменку¹⁹⁶. К исходу следующего дня ей предстояло выйти на рубеж Быхов — Новая Боярщина. Генерал армии К. К. Рокоссовский потребовал «операцию организовывать и проводить на принципах внезапности и стремительного продвижения войск армии»¹⁹⁷.

23 февраля 80-й стрелковый корпус, отразив контратаки пехоты и танков 31-й пехотной, 221-й охранной, а также подошедшей 4-й танковой дивизий, освободил населенные пункты Лазаревичи, Виляховка и станцию Тошица¹⁹⁸. В боях за станцию Тошица противник принял шесть контратак, но несмотря на большие потери, успеха не добился. К исходу дня части 80-го стрелкового корпуса вели бой на рубеже Лазаревичи — южная окраина Верхней Тошицы — станция Тошица.

В это время введенный в бой второй эшелон 3-й армии — 40-й стрелковый корпус успешно наступал на Фалевичи. Преодолевая сопротивление частей 5-й немецкой танковой дивизии, он к вечеру вышел к р. Друть на участке от Озеран до Веричева.

В первой половине дня 23 февраля, когда советские войска вышли в район Рогачева, противник стал отводить с плацдарма части 296-й и 6-й пехотных дивизий за Днепр. Обнаружив это, 35-й стрелковый корпус силами 169-й стрелковой дивизии и 115-го укрепрайона перешел к преследованию. К исходу дня они вышли на рубеж Заборово — Новый Путь — Александровка и далее по левому берегу Днепра до Проскурни¹⁹⁹.

В ходе боев войска 3-й армии продвинулись от 6 до 15 км, расширив фронт наступления почти на 50 км. Удерживаемый противником на левом берегу Днепра южнее Рогачева плацдарм глубиной 20 км был полностью очищен соединениями и частями армии²⁰⁰.

В свою очередь, 50-я армия, ведя упорные бои на своем левом фланге, захватила плацдарм площадью 8 км по фронту и 3 км в глубину. Генерал И. В. Болдин, бывший командующий 50-й армией, вспоминал: «К этому времени мы имели значительные потери в живой силе и технике, слишком растянулись наши коммуникации. Армия получила приказ закрепиться на достигнутых рубежах»²⁰¹.

Появление перед фронтом 3-й армии оперативных резервов врага, его частые контратаки крупными силами, возросшая активность авиации свидетельствовали о намерении командования группы армий «Центр» во что бы то ни стало задержать продвижение советских войск, чтобы выиграть время для занятия подходившими войсками обороны по р. Друть.

События развивались стремительно. В ночь на 24 февраля 120-я гвардейская стрелковая дивизия, тесно взаимодействуя с частями 169-й стрелковой дивизии, сломала вражеское сопротивление и штурмом овладела Рогачевом, перерезала важный для противника участок железной дороги Жлобин — Могилев²⁰².

Днем 24 февраля соединения и части 3-й армии продолжили активные действия передовыми отрядами по захвату плацдармов на правом берегу Друти, но смогли продвинуться всего от 2 до 7 км. 16-я воздушная армия часто использовала истребители для уничтожения врага, действуя «как по отступающим колоннам, так и по резервам, движущимся к фронту»²⁰³.

На бобруйском направлении неприятель вел «сдерживающие бои, стремясь не допустить выхода советских войск на тылы быховской группировки»²⁰⁴. Так, 25 февраля 3-й армии пришлось отразить «30 контратак противника силою до батальона пехоты каждая при поддержке танков и штурмовых орудий»²⁰⁵.

Численность вражеской группировки, противостоявшей армиям правого крыла 1-го Белорусского фронта, к тому времени возросла более чем вдвое. И 26 февраля 3-я армия вынуждена была перейти к обороне на рубеже «(иск.) Хомичи... и далее по восточному берегу р. Днепр до оз. Великое»²⁰⁶.

За шесть дней боев 3-я армия форсировала две водные преграды — Днепр и Друть, продвинулась почти на 30 км, хотя и не решила полностью задач, предусмотренных директивой фронта²⁰⁷. Наметившийся успех ее соединений и частей явился результатом внезапного удара по сравнительно слабому участку обороны врага, однако малочисленность состава стрелковых дивизий и недостаток резервов не позволили развить наступление. Потери войск 1-го Белорусского фронта в этой операции составили 31 277 человек, из них безвозвратные — 7164 человека (3,1% от численности войск к началу операции)²⁰⁸.

В результате Рогачевско-Жлобинской операции был ликвидирован плацдарм противника на левом берегу и захвачен плацдарм на правом берегу Днепра. Улучшенное в результате оперативное положение правого крыла фронта создало выгодные условия для последующего наступления на бобруйском направлении. «Кроме того, в случае отхода немцев русские получали хорошие возможности выйти противнику в тыл, нанеся удар из района Ковеля. Здесь русские войска находились у западной оконечности полосы болот, разделяющей немецкие армии», — отмечал известный английский военный историк Б. Лиддел Гарт²⁰⁹.

К 17 февраля в ходе наступления советских войск на Правобережной Украине между Белорусским и 1-м Украинским фронтами, действовавшими на западном и юго-западном направлениях, образовался значительный разрыв. В районе бассейна р. Припять, на более чем 300-километровом участке от устья р. Птичь (западнее Мозыря) до Рожища (севернее Луцка) действовала 61-я армия Белорусского фронта (восемь стрелковых и шесть кавалерийских дивизий), а также три дивизии 77-го стрелкового корпуса 13-й армии 1-го Украинского фронта.

Ставка ВГК при подготовке весеннего наступления, планируя сосредоточить основные усилия в полосе 1-го и 2-го Украинских фронтов с целью разгрома группы армий «Юг» и выхода к Карпатам, учла опасность, которую представлял собой открытый правый фланг 1-го Украинского фронта. Она полагала, что по мере продвижения главных сил этого фронта

в юго-западном направлении возрастет реальная угроза контрудара противника из района Львова.

17 февраля 1944 г. для обеспечения правого крыла группировки советских войск на Правобережной Украине и развертывания активных боевых действий на ковельско-брестском направлении между Белорусским и 1-м Украинским фронтами был создан новый, 2-й Белорусский фронт (командующий — генерал-полковник П. А. Курочкин)²¹⁰. В соответствии с директивой Ставки ВГК в его состав вошли 61, 47, 70-я армии, 2-й и 7-й гвардейские кавалерийские корпуса и 6-я воздушная армия. Всего в составе фронта насчитывалось 149,4 тыс. человек, 3 тыс. орудий и минометов, 120 танков и САУ, 122 боевых самолета²¹¹.

2-му Белорусскому фронту противостояли на рубеже р. Припять соединения и части правого крыла 2-й армии из группы армий «Центр», а в районе Ковеля — 4-я танковая армия из группы армий «Юг». Их поддерживали авиация 6-го воздушного флота и часть сил 4-го воздушного флота. Вражеские войска обороняли плацдарм до 70 км по фронту и около 30 км в глубину на правом берегу Припяти, в районе Давыд-Городок — Столин — Пинск. Гарнизоны отдельных опорных пунктов прикрывали 60-километровый участок фронта по левому берегу р. Стохода от Любешова до железной дороги Ковель — Сарны.

Кроме того, в районе Ковеля действовала дивизионная группа войск СС, с 15 марта — группа Гилле, насчитывавшая более 8,5 тыс. человек. Сам город был хорошо укреплен, так как противник построил здесь три линии мощных оборонительных укреплений. Подступы к нему с севера, востока и юга прикрывали минные и проволочные заграждения. Все кирпичные здания были приспособлены для продолжительной обороны²¹². Тактические и ближайшие оперативные резервы противника на этом направлении составляли части немецкой 213-й охранной дивизии, венгерские 9-я и 19-я легкопехотные дивизии, а также танковая дивизия СС «Викинг».

4 марта 1944 г. Ставка ВГК приказала генералу П. А. Курочкину подготовить и провести Полесскую наступательную операцию с целью выхода основными силами на Государственную границу СССР по р. Западный Буг на участке Брест — Городло, а правым крылом — на Припять на участке Туров — Давыд-Городок — Столин²¹³.

Главный удар фронта планировалось нанести по важному узлу железных и шоссейных дорог — Ковелю. «В этом городе скрещивались пути, ведущие на Киев и Одессу, на Люблин и Брест. «В Ковеле лежат ключи к Висле», — заявил в одном из приказов немецкий генерал Гилле»²¹⁴.

Освобождение Ковеля обеспечивало свободу маневра на брестском, холмском и владимир-волынском направлениях. С выходом к р. Западный Буг войска фронта должны были глубоко охватить с юга группу армий «Центр», обеспечив тем самым выгодные условия для проведения операций по освобождению Белоруссии и Польши. Немецкие историки пишут: «Город Ковель превратился в кошмарный сон командований двух немецких групп армий, так как один успешный маневр советских войск в этом направлении мог привести к развалу восточного фронта»²¹⁵.

2-й Белорусский фронт получил приказ перейти в наступление с 12 по 15 марта. Ставка ВГК наметала включить в состав фронта 22 стрелковые, шесть кавалерийских и три авиационные дивизии, танковую бригаду, пять отдельных танковых полков, около 20 артиллерийских и минометных полков, а также другие части. К сожалению, в период подготовки к операции не все соединения и части были сосредоточены в полосе фронта. Некоторые из них прибывали уже в ходе ее ведения.

Стрелковые дивизии фронта из-за значительных потерь, понесенных в летне-осенней кампании 1943 г., насчитывали от 4 до 6 тыс. человек. Соединения, прибывавшие из резерва Ставки ВГК, были укомплектованы до 7,1—7,3 тыс. человек²¹⁶. На западном и юго-западном стратегических направлениях 2-й Белорусский фронт по своему боевому составу оказался самым малочисленным оперативно-стратегическим объединением.

6 марта Военный совет 2-го Белорусского фронта представил в Ставку ВГК план предстоявшей операции. В решении командования фронта были учтены особенности вражеской

группировки и условия местности в полосе наступления. Замыслом операции намечалось окружить и уничтожить ковельскую группировку нанесением главного удара силами 47-й армии в обход Ковеля с севера и юга. 70-й армии ставилась задача, наступая на брестском направлении, перерезав шоссе Брест — Ковель, освободить Камень-Каширский и не допустить удара противника с направления Кобрин — Брест. 61-й армии предстояло ликвидировать плацдарм врага на правом берегу Припяти в районе Столина²¹⁷.

В последующем 47-я и 70-я армии должны были выйти на Государственную границу СССР по р. Западный Буг. При подготовке операции важно было выбрать участки прорыва и определить их ширину. Глубина ближайшей задачи армией ударной группировки фронта планировалась от 40 до 50 км, дальнейшей — от 120 до 130 км. 7 марта Ставка ВГК утвердила представленный командованием 2-го Белорусского фронта план операции²¹⁸.

Удар главных сил фронта был нацелен на слабо прикрытый войсками стык немецких групп армий «Центр» и «Юг». 47-я армия должна была наступать на Ковель и Любомль, а 70-я — на Камень-Каширский и Брест. Иначе говоря, армиям ударной группировки войска фронта предстояло наступать по расходящимся направлениям с целью способствовать наступлению 1-го Украинского фронта, а ударом на Брест выйти в глубокий тыл немецкой группы армий «Центр». Правофланговой 61-й армии предстояло наступать в северном направлении.

Оперативное построение 2-го Белорусского фронта было одноэшелонным, поскольку полоса наступления его составляла более 350 км. 70-я армия вводилась в сражение между 61-й и 47-й армиями. В резерв фронта был выделен 7-й гвардейский кавалерийский корпус, который до 14 марта входил в состав 61-й армии, а с началом наступления был выдвинут в полосу 47-й армии — на ковельское направление²¹⁹.

Для подготовки наступательной операции отводилось десять суток. Военные советы, политорганы фронта и армий проводили работу по поддержанию в войсках высокой боевой готовности и созданию высокого наступательного порыва. Личный состав, до которого были доведены боевые задачи, готовился к действиям в условиях лесисто-болотистой местности. В первой половине марта войска 2-го Белорусского фронта проводили перегруппировку. 61-я армия сумела перебросить на свой левый фланг управление 9-го гвардейского стрелкового корпуса и дивизию, где были сосредоточены ее основные усилия²²⁰. Две другие дивизии были переданы 70-й армии.

Прибытие главных сил 70-й и 47-й армий, переброска соединений 61-й армии, а также подвоз материальных средств осуществлялись по единственной железнодорожной магистрали, которая подвергалась постоянным ударам авиации противника. Для ее прикрытия фронт не имел достаточных средств. В тыловых районах выполнялся большой объем работ по строительству и ремонту дорог и мостов. В полосе 47-й армии в районе Бережницы строился высокопроводный автомобильный мост через р. Горынь, а в окрестностях Маневичей — железнодорожный мост через р. Стырь²²¹. Однако преодолеть все трудности в сосредоточении войск, перебазировании авиации и подвозе материальных средств не удалось до самого конца операции. Обстановку в тылу 2-го Белорусского фронта осложняли диверсионные действия вооруженных формирований украинских националистов. Для борьбы с ними его командованию пришлось использовать немногочисленные фронтовые резервы.

Из-за нехватки времени и транспортных трудностей мероприятия по подготовке наступления в полном объеме завершить не удалось. Большая часть стрелковых соединений вводилась в сражение с ходу, без достаточной огневой поддержки и материального обеспечения. Особой проблемой стало материальное обеспечение: имелось всего 0,5–1,2 боекомплекта боеприпасов, две заправки автобензина и около трех заправок дизельного топлива²²². Весенняя распутица серьезно осложняла боевую деятельность авиации. Так, 6-я воздушная армия лишь к 18 марта, то есть на четвертый день операции, смогла перебазировать из района Невеля под Сарны около 70% своего боевого состава: Ил-2 — 18, Як-9 — 14, Пе-2 — 5, По-2 — 85. 30% самолетов оставалось на прежних аэродромах²²³.

К началу наступления из 14 дивизий, которым предстояло пополнить ударную группировку фронта, в исходные районы вышли только семь²²⁴. «Чтобы не позволить немецкой

группе армий «Центр» помочь своему южному соседу», войскам фронта пришлось перейти в наступление в разное время, даже не завершив сосредоточение сил²²⁵.

Боевые действия проходили в сложных условиях. Дело в том что Полесье представляло собой равнинную лесистую низменность с многочисленными озерами и болотами, пересеченную густой сетью рек и каналов. Притоки Припяти — Стоход, Турья, Выжевка и сама Припять в ее верхнем течении образуют ряд естественных рубежей, труднопреодолимых в условиях весеннего разлива. Дорожная сеть была развита слабо, а продвижение войск вне дорог из-за обширных болот затруднено.

Военные историки Германии подчеркивают, что «в этой обстановке город (Ковель. — *Прим. ред.*) имел первостепенное стратегическое значение, так как находился на юго-западной оконечности 400-километровых Припятских болот»²²⁶. Этот район традиционно считался не пригодным для ведения боевых действий крупными массами войск²²⁷. Поэтому развертывание войсками 2-го Белорусского фронта наступательной операции в Полесье явилось полной неожиданностью для командования вермахта.

15 марта на главном направлении три стрелковые дивизии нанесли удары с рубежа Боровно — Великий Обзыр на Несухоеже, а две стрелковые дивизии 47-й армии — с рубежа Навуз — Топильно в обход Ковеля с севера и юга.

На правом фланге 47-й армии, действовавшей на ковельском направлении, противник, оказывая слабое сопротивление, отходил на рубеж р. Турья. Он был выбит из районов Морочна, Любешов, станция Любешов, Цыр, Борки, Езерко, Гута, Мельце, Несухоеже, Углы, Навуз и отброшен на запад²²⁸. Ее соединения и части из-за труднопроходимой лесисто-болотистой местности к 18 марта продвинулись только на 30—40 км. Тем не менее они завершили окружение ковельской группировки, перерезав дороги из Ковеля на Брест и Любомль²²⁹.

Передовые части и подразделения 143-й стрелковой дивизии через несколько часов после начала операции перерезали железные дороги, связывающие Ковель с Брестом и Холмом²³⁰. К 16 марта они продвинулись из района Несухоеже на 30 км и отрезали противнику пути отхода из Ковеля. При этом два ее стрелковых полка были развернуты фронтом на восток, а третий — на запад.

С подходом частей 60, 260 и 175-й стрелковых дивизий все три полка 143-й стрелковой дивизии выдвинулись на внешний фронт окружения, в 10—12 км западнее Ковеля. Сюда же выступил второй эшелон 47-й армии — 76-я гвардейская стрелковая дивизия. Действовавшая на левом фланге армии 328-я стрелковая дивизия вышла на участок железной дороги Ковель — Рожище и освободила Туринск. К 19 марта, то есть к моменту завершения окружения ковельской группировки, на внешнем и внутреннем фронтах действовало по три стрелковые дивизии, сжав кольцо до окраин города.

В течение восьми дней три дивизии 47-й армии вели тяжелые бои за Ковель, но все безуспешно²³¹. Причина в том, что командование 47-й армии не сумело в короткие сроки организовать штурм города, потому что войсковая разведка не смогла в достаточной степени разведать состав сил противника. Военный совет армии ошибочно полагал, что в блокированном гарнизоне царит паника. Как вспоминал бывший начальник политотдела 47-й армии генерал-полковник М. Х. Калашник, все были уверены, что «пройдет еще день-два, от силы пять, и окруженный ковельский гарнизон капитулирует, город будет взят»²³².

Иначе говоря, командование 2-го Белорусского фронта также не имело четкого представления об обстановке в районе Ковеля. Только в ходе упорных боев выяснилось, что «ковельский узел сопротивления» — довольно серьезный рубеж обороны. По разведанным, к 23 марта противник в район западнее Ковеля подтянул свежие части, «по-видимому, с целью освободить окруженный гарнизон в г. Ковель»²³³. По мере их прибытия сопротивление возрастало. Командование 4-й танковой армии провело несколько сильных контрударов, стремясь деблокировать окруженный гарнизон Ковеля. Так как у группы армий «Юг» не было никакой возможности противостоять войскам 47-й армии под Ковелем, то «27 марта участок фронта с окруженным городом был передан в полосу группы армий «Центр»²³⁴.

Окончательно потеряв стратегическую инициативу, видя приближение разгрома и неизбежность возмездия за все чудовищные злодеяния, совершенные на советской земле, враг сопротивлялся с яростью обреченных²³⁵. Он цеплялся за каждый метр, за каждый выгодный рубеж. Тем не менее, по свидетельству маршала А. М. Василевского, «несмотря на понесенные жестокие поражения, немецко-фашистская армия к началу 1944 г. была еще довольно сильной и могла вести серьезную оборонительную войну»²³⁶. В полной мере такая оценка советского военачальника относилась и к ковельской группировке.

Ставка ВГК наращивала силы 47-й армии, но медленно. Лишь к 1 апреля ее состав был доведен до девяти стрелковых дивизий и пяти танковых полков. Из них шесть стрелковых дивизий и четыре танковых полка действовали на внешнем фронте окружения. Дожди, перемежавшиеся снегопадами, и недостаток сил не позволили 6-й воздушной армии обеспечить эффективную поддержку наступающих.

Советским войскам не хватало боеприпасов, а пришедшие в негодность грунтовые дороги затрудняли их своевременный подвоз. Для переброски грузов пришлось использовать самолеты 242-й ночной бомбардировочной авиационной дивизии. С 26 по 31 марта самолеты, совершив 568 вылетов, доставили в район Ковеля 93 тонны боеприпасов, но этого было явно недостаточно.

В боях за Ковель советские войска снова показали свое воинское мастерство, мужество и героизм. Так, наводчик орудия 367-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона 260-й стрелковой дивизии рядовой П. И. Малкин 27 марта в бою на подступах к Ковелю, в составе расчета выкатив орудие в боевые порядки пехоты, уничтожил три пулемета и около десяти вражеских солдат, что способствовало успешному продвижению пехоты. За свой подвиг наводчик был награжден орденом Славы 3-й степени²³⁷.

К 27 марта командование 2-го Белорусского фронта убедилось, что 47-я армия не в состоянии самостоятельно ликвидировать окруженную группировку, в то время как на внешнем фронте возросшие силы противника угрожали прорывом блокады²³⁸. Дальнейшие события показали, что меры по усилению и отражению деблокирующего контрудара врага сильно запоздали.

15 марта 70-я армия в составе 160-й и 38-й гвардейской стрелковых дивизий была введена в сражение с плацдармов на правом берегу Стохода, на 40-километровом участке от Любешова до Борозно. К 20 марта ее соединения и части продвинулись на глубину до 60 км и вышли на рубеж канала Турски, но там были остановлены подошедшими резервами противника. 26 марта 115-й стрелковый полк 38-й гвардейской стрелковой дивизии под его давлением оставил Смольну и отошел к каналу Турски²³⁹.

Спустя три дня врагу удалось потеснить советские части на 10–12 км — за Припять и Выжевку²⁴⁰. В целом 70-я армия выполнила задачу по оперативному обеспечению маневра 47-й армии на окружение ковельской группировки. Однако для разгрома подошедших вражеских резервов и выхода на Западный Буг, в район Бреста, ее сил оказалось недостаточно. Только к началу апреля она была усилена двумя дивизиями, но изменить обстановку в своей полосе уже до конца операции не смогла.

В это же время в полосе действий 70-й и 47-й армий командование вермахта сосредоточило около восьми дивизий, в том числе три танковые, а также лыжнogerскую бригаду и пять бригад штурмовых орудий²⁴¹. С 28 марта управление войсками противника на ковельском направлении возглавил командующий 2-й армией генерал В. Вайс. Основные усилия ее были направлены на деблокаду ковельского гарнизона. Армия своим 56-м танковым корпусом прорвала кольцо окружения вокруг «болотной крепости — Ковеля»²⁴².

Генерал В. Вайс усилил группировку, действовавшую вдоль шоссе Любомль — Ковель, частями 4-й танковой дивизии. Сосредоточенным ударом на узком участке фронта противник прорвал боевые порядки 143-й стрелковой дивизии и ценой больших потерь 4 апреля вышел в район Ковеля, где соединился с окруженными частями²⁴³. После напряженных боев советские войска оставили северо-западную окраину Ковеля.

16 марта перешла в наступление ударная группировка 61-й армии — 9-й гвардейский стрелковый корпус²⁴⁴. За десять суток соединения и части корпуса, действуя в полосе шириной 24 км, продвинулись всего на 4–8 км и поставленную задачу выполнить не смогли. Корпусу не удалось ликвидировать плацдарм противника в районе Столина. К 20 марта 61-я армия очистила только участок правого берега Припяти между Мозырем и Туровом²⁴⁵.

Причинами неудачи явились низкий уровень управления войсками и плохая организация разведки, а также слабая огневая подготовка и поддержка наступавших войск. Так как цели разведаны не были, артиллерии пришлось вести огонь преимущественно по площадям, при плотности всего 15–18 орудий и минометов на 1 км фронта.

По указанию Ставки ВГК в район боевых действий 2-го Белорусского фронта в начале апреля прибыл генерал армии К. К. Рокоссовский. Внимательно ознакомившись с обстановкой, он доложил И. В. Сталину о целесообразности прекращения операции по освобождению Ковеля²⁴⁶. По его мнению, противник мог подойти к деблокированному городу только с севера.

С 5 апреля в соответствии с директивой Ставки ВГК 2-й Белорусский фронт был реорганизован, его войска переданы в состав 1-го Белорусского фронта, а полевое управление выведено в резерв²⁴⁷.

Только 19 апреля командование 1-го Белорусского фронта отказалось от дальнейших попыток взять Ковель. С 27 по 30 апреля противник потеснил левый фланг 47-й армии на юго-восток на 10 км, а правый фланг 61-й армии — до 8 км, 7-й гвардейский кавалерийский корпус был отброшен за р. Турья²⁴⁸.

В итоге Полесская наступательная операция не решила полностью задач, предусмотренных директивой Ставки ВГК. Тем не менее по поводу боевых действий, происходивших в Полесье зимой 1944 г., генерал Г. Гудериан в своих мемуарах писал: «Тяжелые кровопролитные зимние бои совершенно выбили главное командование сухопутных войск из колеи»²⁴⁹.

2-й Белорусский фронт в итоге операции не смог выйти к государственной границе на рубеже Брест — Городло и уничтожить окруженную ковельскую группировку врага прежде всего из-за недостатка сил и средств. Это, а также жесткие сроки подготовки операции не позволили его командованию создать мощную наступательную группировку. Соединения, прибывавшие на укомплектование фронта, вводились в сражение, как правило, после совершения 120–150-километровых маршей без необходимой подготовки.

Войскам фронта пришлось наступать одновременно по двум расходящимся направлениям. Их первоначальный удар отличался недостаточной силой, темпы продвижения оказались низкими. Это дало возможность командованию вермахта перебросить на ковельское направление резервы, оказывать организованное сопротивление войскам 2-го Белорусского фронта и даже наносить контрудары.

Окружение противника в районе Ковеля осуществляли стрелковые соединения, но без подвижных войск. Хотя пехота и замкнула кольцо вокруг города, командованию 47-й армии не удалось создать активный внешний фронт окружения. Между тем в распоряжении командующего фронтом в резерве имелись три кавалерийские дивизии 7-го гвардейского кавалерийского корпуса и две стрелковые дивизии 25-го стрелкового корпуса, с помощью которых можно было бы с успехом разгромить врага. Это и явилось основной причиной незавершенности операции.

Из-за слабого боевого состава, опоздания с перебазированием и неблагоприятных погодных условий 6-я воздушная армия не смогла эффективно поддерживать операцию. Генеральный штаб отмечал, что «усилия 6-й армии... недостаточно использовались для борьбы с ж. д. перевозками, чем дали возможность противнику беспрепятственно сосредоточить группу войск для проведения контратак на ковельском направлении»²⁵⁰.

Штабы фронта и армий недостаточно оперативно осуществляли управление войсками. В определенной степени эти недостатки обусловили значительные потери: безвозвратные — свыше 2,7 тыс. человек, санитарные — около 8,4 тыс. человек. Неприятель потерял в общей сложности до 15 тыс. человек²⁵¹.

В целом, несмотря на незавершенный характер этой операции, наступление в Полесье оказало существенную помощь 1-му Украинскому фронту при проведении Проскуровско-Черновицкой операции. Кроме того, были созданы выгодные условия для нанесения удара во фланг и тыл группе армий «Центр» в ходе Люблин-Брестской операции, проведенной войсками 1-го Белорусского фронта.

С 15 апреля 1944 г. войска 1-го Прибалтийского, Западного и 1-го Белорусского фронтов перешли к обороне и начали подготовку к летнему наступлению.

В апреле 1944 г. стояла холодная, неустойчивая, сырая погода, которая способствовала распространению как простудных, так и инфекционных заболеваний. Дороги еще не полностью освободились от снежного покрова. В оттепель была непролазная грязь. Военные дорожники и медики установили контрольно-пропускные пункты, где проводили первичный осмотр и опрос местных граждан и лиц, возвращающихся из нацистской неволи. Одних тут же отправляли в медицинские учреждения, других — в специальные пункты для дезинфекции белья и одежды. Фронтные службы вещевого и продовольственного снабжения изыскивали возможности, чтобы их накормить и одеть.

Таким образом, в ходе Калининковичско-Мозырской, Рогачевско-Жлобинской и Полеской наступательных операций, проводимых в период затишья на западном направлении советско-германского фронта, советские войска удары наносили быстро и на ограниченную глубину. Своей цели они в основном достигали прежде, чем противник успевал подтянуть к атакованному участку силы из резерва группы армий «Центр» или с соседних направлений.

* * *

В зимне-весенней кампании 1944 г. замысел Ставки ВГК на проведение операций войсками фронтов, действовавших на западном направлении, исходил из оперативно-стратегической обстановки, сложившейся к началу года на правом и левом крыльях советско-германского фронта. Планируя наступление, она предусматривала активные действия на центральном участке советско-германского фронта, но мощных и одновременных ударов фронтов не предполагала, так как они намечались под Ленинградом и Новгородом, на Правобережной Украине и в Крыму.

Существенных территориальных результатов наступление в Восточной Белоруссии не принесло. К лету 1944 г. около 80% территории республики продолжало оставаться под вражеской оккупацией, и главные сражения за Белоруссию были впереди.

Тем не менее в результате наступательных действий Красной армии удалось освободить областной центр Мозырь, около двух десятков районных центров и сотни других населенных пунктов Гомельской, Могилевской, Полесской и Витебской областей, выволить из нацистской неволи сотни тысяч жителей Белорусской ССР. При изгнании врага выявилось, что народному хозяйству и населению республики германская оккупация нанесла огромный ущерб. В г. Мозырь и крупных районных центрах были разрушены все промышленные здания и до 80–90% коммунальных объектов. Оккупанты превратили в развалины почти все школы, клубы и музеи.

Войска фронтов сковали силы группы армий «Центр», нанесли ей урон и тем самым способствовали успеху фланговых группировок советских вооруженных сил. Вследствие постоянных активных действий 1-го Прибалтийского, Западного и Белорусских фронтов командование вермахта так и не смогло перебросить из Белоруссии свои соединения и части на другие направления, где решались основные стратегические задачи. Советские войска улучшили свое оперативное положение, глубоко охватили фланги группы армий «Центр», создав тем самым благоприятные условия для нанесения летом 1944 г. сокрушительного удара по противостоявшей группировке.

Однако войскам 1-го Прибалтийского, Западного и Белорусских фронтов не удалось в полной мере выполнить поставленные Ставкой ВГК задачи. Они так и не вышли на рубеж Полоцк — Лепель — Могилев — р. Птичь. Боевые действия войск фронтов не привели к существенным оперативным результатам. Отдельные тактические успехи, достигнутые к тому же ценой больших потерь в людях, не смогли изменить обстановку в полосе обороны группы армий «Центр», а значит, и нарушить ее устойчивость.

Советские войска в операциях, особенно в Калининковичско-Мозырской и Рогачевско-Жлобинской, проявили высокие морально-боевые качества, мужество и героизм, возросшее боевое мастерство. В боях за освобождение Восточной Белоруссии десятки тысяч солдат, офицеров и генералов были удостоены орденов и медалей, 69 частей и соединений получили почетные наименования «Калининковичские», «Мозырские» и «Рогачевские», десятки их — государственные награды.

Зимой и весной 1944 г. произошел дальнейший подъем народной борьбы во вражеском тылу. Белорусские партизаны организовали крушение 2989 эшелонов противника, взорвали более 100 мостов на шоссейных и грунтовых дорогах, до тысячи автомашин с различными военными грузами и живой силой. Ежемесячно народные мстители совершали более 50 налетов на вражеские гарнизоны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Грылев А. Н.* Днепр. Карпаты. Крым. Освобождение Правобережной Украины и Крыма в 1944 г. М., 1970. С. 207.
- ² История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 8. С. 134.
- ³ Там же. С. 133–134.
- ⁴ Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1961. С. 648.
- ⁵ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 941. Д. 2. Л. 52.
- ⁶ *Баграмян И. Х.* Мои воспоминания. Ереван, 1979. С. 556.
- ⁷ *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* Bd. 8. Deutsche Verlags-Anstalt. München, 2007. S. 316.
- ⁸ История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 8. С. 135.
- ⁹ ЦАМО. Ф. 36. Оп. 343. Д. 2. Л. 133.
- ¹⁰ *Попов С. Е.* На огневых рубежах. М., 1971. С. 68.
- ¹¹ ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2074. Д. 70. Л. 3.
- ¹² Там же. Л. 4.
- ¹³ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 941. Д. 8. Л. 19.
- ¹⁴ Там же. Д. 8. Л. 20.
- ¹⁵ ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2074. Д. 873. Л. 414.
- ¹⁶ Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 20 (9). М., 1999. С. 520.
- ¹⁷ Партизанское движение (по опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). М., 2001. С. 258, 260–261.
- ¹⁸ «Уничтожить как можно больше...»: Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии. 1942–1944 / Сборник документов. М., 2009. С. 266–267.
- ¹⁹ *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* Bd. 8. S. 315.
- ²⁰ *Тинпельскирх К.* История второй мировой войны / Пер. с нем. М., 1956. С. 368.
- ²¹ ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2074. Д. 830. Л. 4.
- ²² Там же. Л. 2.
- ²³ *Галицкий К. Н.* Годы суровых испытаний 1941–1944. Записки командарма. М., 1973. С. 426.
- ²⁴ Там же. С. 427.
- ²⁵ Сквозь огненные вихри: Боевой путь 11-й гвардейской армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1987. С. 159.
- ²⁶ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 941. Д. 8. Л. 21.
- ²⁷ Там же. Ф. 235. Оп. 2074. Д. 830. Л. 7.
- ²⁸ Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 1. Л. 29.
- ²⁹ Журнал боевых действий 3-й танковой армии за период с 1.1.44 по 29.2.44 г. / Пер. с нем. М., 1947. С. 26.
- ³⁰ ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2074. Д. 830. Л. 7.
- ³¹ Журнал боевых действий 3-й танковой армии за период с 1.1.44 по 29.2.44 г. С. 32.
- ³² Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. В 9-ти т. М., 2010. Т. 7. С. 35.
- ³³ ЦАМО. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 424. Л. 75.

- ³⁴ Сквозь огненные вихри: Боевой путь 11-й гвардейской армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 159.
- ³⁵ ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2074. Д. 830. Л. 14.
- ³⁶ В боях за Белоруссию: Оратных подвигах воинов Удмуртии / Сборник статей. Ижевск, 1988. С. 110.
- ³⁷ ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2129. Д. 31. Л. 117.
- ³⁸ *Галицкий К. Н.* Указ. соч. С. 429.
- ³⁹ Сквозь огненные вихри: Боевой путь 11-й гвардейской армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 160.
- ⁴⁰ ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2074. Д. 830. Л. 18–22.
- ⁴¹ *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* Bd. 8. S. 316.
- ⁴² ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2129. Д. 31. Л. 146.
- ⁴³ Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 7. С. 81.
- ⁴⁴ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 941. Д. 8. Л. 50–69.
- ⁴⁵ Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. М., 1999. Т. 16 (5-4). С. 34.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 36. Л. 99–100.
- ⁴⁸ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 4. М., 1975. С. 98.
- ⁴⁹ *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1975. Т. 2. С. 243.
- ⁵⁰ ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2129. Д. 26. Л. 160.
- ⁵¹ Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 7. С. 126.
- ⁵² *Грылев А. Н.* Указ. соч. С. 210.
- ⁵³ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 948. Д. 9. Л. 52.
- ⁵⁴ Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 3117. Л. 14.
- ⁵⁵ Там же. Д. 3103. Л. 18–21.
- ⁵⁶ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В 4-х кн. М., 1999. Кн. 3. С. 15.
- ⁵⁷ Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 7. С. 125.
- ⁵⁸ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 3103. Л. 21.
- ⁵⁹ Там же. Ф. 16. Оп. 949. Д. 1. Л. 67 об.
- ⁶⁰ Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 3100. Л. 27–28.
- ⁶¹ Там же. Ф. 16. Оп. 949. Д. 1. Л. 69.
- ⁶² *Крылов Н. И., Алексеев Н. И., Драган И. Г.* Навстречу победе. Боевой путь 5-й армии: Октябрь 1941 г. — август 1945 г. М., 1970. С. 180.
- ⁶³ Журнал боевых действий 3-й танковой армии за период с 1.1.44 по 29.2.44 г. С. 89.
- ⁶⁴ Там же. С. 358.
- ⁶⁵ Там же. С. 367.
- ⁶⁶ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 949. Д. 1. Л. 8.
- ⁶⁷ Там же. Л. 8 об.
- ⁶⁸ ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2074. Д. 889. Л. 19–39.
- ⁶⁹ Там же. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 374. Л. 13.
- ⁷⁰ Там же. Л. 125–129.
- ⁷¹ Там же. Л. 128.
- ⁷² *Воронов Н. Н.* На службе военной. М., 1963. С. 416.
- ⁷³ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 949. Д. 1. Л. 67 об.
- ⁷⁴ Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 3117. Л. 69.
- ⁷⁵ Там же. Д. 3103. Л. 126.
- ⁷⁶ Журнал боевых действий 3-й танковой армии за период с 1.1.44 по 29.2.44 г. С. 501.
- ⁷⁷ *Типпельскирх К.* Указ. соч. С. 369.
- ⁷⁸ Журнал боевых действий 3-й танковой армии за период с 1.1.44 по 29.2.44 г. С. 435.

- ⁷⁹ Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 559.
- ⁸⁰ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. Т. 4. С. 100.
- ⁸¹ ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2074. Д. 830. Л. 31, 34; Ф. 208. Оп. 2511. Д. 3118. Л. 186.
- ⁸² Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1968. С. 226.
- ⁸³ Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 16.
- ⁸⁴ Там же. С. 446.
- ⁸⁵ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 949. Д. 1. Л. 69.
- ⁸⁶ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 318.
- ⁸⁷ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 26. Л. 27.
- ⁸⁸ Штеменко С. М. Указ. соч. С. 242.
- ⁸⁹ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 948. Д. 9. Л. 6 об.
- ⁹⁰ Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1984. С. 353.
- ⁹¹ Воронов Н. Н. Указ. соч. С. 407.
- ⁹² Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Кн. 3. С. 11.
- ⁹³ Гареев М. А. О неудачных наступательных операциях советских войск в Великой Отечественной войне: По неопубликованным документам ГКО // Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 6.
- ⁹⁴ Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Кн. 3. С. 13.
- ⁹⁵ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 948. Д. 8. Л. 105—107.
- ⁹⁶ Полные кавалеры ордена Славы. Краткий биографический словарь. В 2-х т. М., 2010. Т. 2. С. 11.
- ⁹⁷ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 948. Д. 9. Л. 7.
- ⁹⁸ Там же. Оп. 1074. Д. 17. Л. 1, 6, 10, 15.
- ⁹⁹ Там же. Л. 40.
- ¹⁰⁰ Гареев М. А. Указ. соч. С. 18.
- ¹⁰¹ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 948. Д. 9. Л. 12 об. — 13.
- ¹⁰² Великая Отечественная война — день за днем: По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. М., 2010. Т. 7. С. 42.
- ¹⁰³ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 17. Л. 42.
- ¹⁰⁴ Там же. Оп. 948. Д. 9. Л. 13 об.
- ¹⁰⁵ Хаунт В. Сражения группы армий «Центр» / Пер. с нем. М., 2006. С. 283.
- ¹⁰⁶ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 948. Д. 9. Л. 31.
- ¹⁰⁷ Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. В 2-х т. М., 1987. Т. 2. С. 194.
- ¹⁰⁸ Гареев М. А. Указ. соч. С. 16.
- ¹⁰⁹ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 948. Д. 9. Л. 31.
- ¹¹⁰ Там же. Л. 204.
- ¹¹¹ Там же. Оп. 949. Д. 1. Л. 12.
- ¹¹² Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 317.
- ¹¹³ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 948. Д. 9. Л. 57.
- ¹¹⁴ Великая Отечественная война — день за днем: По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 7. С. 188.
- ¹¹⁵ Василевский А. М. Указ. соч. С. 315.
- ¹¹⁶ Гареев М. А. Указ. соч. С. 18.
- ¹¹⁷ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 949. Д. 1. Л. 49.
- ¹¹⁸ Там же. Л. 50.
- ¹¹⁹ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 948. Д. 9. Л. 65.
- ¹²⁰ Там же. Л. 72.
- ¹²¹ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 949. Д. 1. Л. 51.
- ¹²² Там же. Л. 50.
- ¹²³ Там же. Л. 52.
- ¹²⁴ Цит. по: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 317.
- ¹²⁵ Гареев М. А. Указ. соч. С. 19.
- ¹²⁶ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 949. Д. 1. Л. 40.
- ¹²⁷ Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 3104. Л. 36.

- ¹²⁸ Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 18. Л. 24.
- ¹²⁹ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 323.
- ¹³⁰ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 949. Д. 1. Л. 43.
- ¹³¹ Там же. Оп. 1074. Д. 18. Л. 29.
- ¹³² ЦАМО. Ф. 16. Оп. 949. Д. 1. Л. 44.
- ¹³³ Там же. С. 19.
- ¹³⁴ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 948. Д. 9. Л. 76.
- ¹³⁵ Там же. Оп. 1074. Д. 12. Л. 114.
- ¹³⁶ Великая Отечественная война — день за днем: По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 7. С. 287.
- ¹³⁷ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 949. Д. 1. Л. 70 об.
- ¹³⁸ Там же.
- ¹³⁹ Великая Отечественная война — день за днем: По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 7. С. 278.
- ¹⁴⁰ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 12. Л. 150.
- ¹⁴¹ *Лиддел Гарт Б.* Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 1976. С. 544.
- ¹⁴² Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 15.
- ¹⁴³ Там же. С. 15–16.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 18.
- ¹⁴⁵ *Меллентин Ф.* Бронированный кулак вермахта / Пер. с нем. Смоленск, 1999. С. 429.
- ¹⁴⁶ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 949. Д. 1. Л. 87–88.
- ¹⁴⁷ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 318.
- ¹⁴⁸ *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М., 2000. С. 307.
- ¹⁴⁹ ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 26. Л. 37.
- ¹⁵⁰ Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 26. Л. 28.
- ¹⁵¹ 8 февраля 63-я армия передала свою полосу и войска в состав 3-й армии, а управление ею было выведено в резерв и расформировано.
- ¹⁵² ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 166. Л. 1.
- ¹⁵³ Там же. Ф. 16. Оп. 952. Д. 13. Л. 2.
- ¹⁵⁴ Там же. Ф. 201. Оп. 390. Д. 82. Л. 5.
- ¹⁵⁵ Там же. Ф. 16. Оп. 952. Д. 3. Л. 21.
- ¹⁵⁶ Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 7. С. 42.
- ¹⁵⁷ ЦАМО. Ф. 201. Оп. 390. Д. 76. Л. 578.
- ¹⁵⁸ Там же. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 8. Л. 36.
- ¹⁵⁹ Там же. Д. 8. Л. 42.
- ¹⁶⁰ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 952. Д. 13. Л. 4.
- ¹⁶¹ Там же. Оп. 1074. Д. 15. Л. 47, 52, 57.
- ¹⁶² ЦАМО. Ф. 201. Оп. 390. Д. 76. Л. 143.
- ¹⁶³ Полные кавалеры ордена Славы. Краткий биографический сборник. Т. 2. С. 16.
- ¹⁶⁴ Советская кавалерия. Военно-исторический очерк. М., 1984. С. 253.
- ¹⁶⁵ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 952. Д. 13. Л. 4.
- ¹⁶⁶ Там же. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 8. Л. 59.
- ¹⁶⁷ Там же. Ф. 201. Оп. 390. Д. 81. Л. 135 об.
- ¹⁶⁸ Там же. Оп. 398. Д. 36. Л. 90.
- ¹⁶⁹ Там же. Оп. 951. Д. 2. Л. 2.
- ¹⁷⁰ *Батов П. И.* В походах и боях. М., 1974. С. 382.
- ¹⁷¹ Советская кавалерия: Военно-исторический очерк. С. 254.
- ¹⁷² *Батов П. И.* В походах и боях. С. 382.
- ¹⁷³ ЦАМО. Ф. 201. Оп. 390. Д. 76. Л. 376.
- ¹⁷⁴ Военно-исторический журнал. 1970. № 7. С. 71.
- ¹⁷⁵ Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 358.

- ¹⁷⁶ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 951. Д. 2. Л. 8.
- ¹⁷⁷ *Типпельскирх К.* Указ. соч. С. 369.
- ¹⁷⁸ Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 10. М., 1950. С. 48–49.
- ¹⁷⁹ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 952. Д. 13. Л. 9.
- ¹⁸⁰ Там же. Ф. 201. Оп. 398. Д. 36. С. 21.
- ¹⁸¹ Там же. Оп. 390. Л. 36. Л. 45.
- ¹⁸² ЦАМО. Ф. 16. Оп. 952. Д. 3. Л. 131.
- ¹⁸³ *Горбатов А. В.* Годы и войны. М., 1989. С. 263.
- ¹⁸⁴ *Горбатов А. В.* Наступление 3-й армии на рогачевском направлении // Военно-исторический журнал. 1961. № 1. С. 22.
- ¹⁸⁵ ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 8. Л. 188.
- ¹⁸⁶ Там же. Ф. 16. Оп. 952. Д. 13. Л. 9.
- ¹⁸⁷ Третья армия. История. Люди. Подвиги. М., 1995. С. 152.
- ¹⁸⁸ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 952. Д. 13. Л. 9.
- ¹⁸⁹ *Горбатов А. В.* Наступление 3-й армии на рогачевском направлении // Военно-исторический журнал. 1961. № 1. С. 25.
- ¹⁹⁰ ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 116. Л. 193.
- ¹⁹¹ *Горбатов А. В.* Годы и войны. С. 271.
- ¹⁹² *Горбатов А. В.* Наступление 3-й армии на рогачевском направлении // Военно-исторический журнал. 1961. № 1. С. 26.
- ¹⁹³ Полные кавалеры ордена Славы. Краткий биографический словарь. Т. 1. С. 39.
- ¹⁹⁴ ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 116. Л. 200.
- ¹⁹⁵ Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 17. Л. 293.
- ¹⁹⁶ Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 7. С. 196.
- ¹⁹⁷ ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 8. Л. 204.
- ¹⁹⁸ Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 17. Л. 283.
- ¹⁹⁹ Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 7. С. 189.
- ²⁰⁰ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 17. Л. 290.
- ²⁰¹ *Болдин И. В.* Страницы жизни. М., 1961. С. 222.
- ²⁰² Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 7. С. 191.
- ²⁰³ *Руденко С. И.* Крылья Победы. М., 1985. С. 189.
- ²⁰⁴ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 17. Л. 299.
- ²⁰⁵ Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 7. С. 194.
- ²⁰⁶ ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 26. Л. 20.
- ²⁰⁷ Там же. Ф. 16. Оп. 952. Д. 13. Л. 11.
- ²⁰⁸ Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 358.
- ²⁰⁹ *Лиддел Гарт Б.* Указ. соч. С. 544.
- ²¹⁰ ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 36. Л. 38–40.
- ²¹¹ Военная энциклопедия. Т. 6. М., 2002. С. 470.
- ²¹² *Калашник М. Х.* Испытание огнем. М., 1971. С. 278.
- ²¹³ Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 55.
- ²¹⁴ *Полынин Ф. П.* Боевые маршруты. М., 1972. С. 304.
- ²¹⁵ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 422.
- ²¹⁶ *Михалев С. Н.* Наступление 2-го Белорусского фронта в Полесье // Военно-исторический журнал. 1988. № 3. С. 42.
- ²¹⁷ Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 277–278.

- ²¹⁸ Там же. С. 56.
- ²¹⁹ *Михалев С. Н.* Указ. соч. С. 44.
- ²²⁰ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 951. Д. 2. Л. 9.
- ²²¹ *Калашник М. Х.* Указ. соч. С. 276.
- ²²² ЦАМО. Ф. 237. Оп. 2757. Д. 1. Л. 54–55.
- ²²³ *Польнин Ф. П.* Указ. соч. С. 303.
- ²²⁴ ЦАМО. Ф. 237. Оп. 2472. Д. 8. Л. 20–23.
- ²²⁵ *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 381.
- ²²⁶ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 421.
- ²²⁷ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 952. Д. 3. Л. 161–163.
- ²²⁸ Там же. Оп. 1074. Д. 18. Л. 70.
- ²²⁹ Там же. Л. 93.
- ²³⁰ *Калашник М. Х.* Указ. соч. С. 281.
- ²³¹ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 18. Л. 116.
- ²³² *Калашник М. Х.* Указ. соч. С. 286.
- ²³³ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 18. Л. 120.
- ²³⁴ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 422.
- ²³⁵ Всероссийская книга памяти. 1941–1945. М., 1995. С. 395–410.
- ²³⁶ *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 364.
- ²³⁷ Полные кавалеры ордена Славы. Краткий биографический словарь. Т. 1. С. 9.
- ²³⁸ ЦАМО. Ф. 237. Оп. 2557. Д. 79. Л. 90–95, 104–117.
- ²³⁹ Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 12. Л. 142.
- ²⁴⁰ Там же. Оп. 951. Д. 2. Л. 11.
- ²⁴¹ *Михалев С. Н.* Указ. соч. С. 46.
- ²⁴² Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 422.
- ²⁴³ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 12. Л. 128.
- ²⁴⁴ Там же. Ф. 237. Оп. 2757. Д. 29. Л. 126–157.
- ²⁴⁵ Там же. Ф. 16. Оп. 951. Д. 2. Л. 9.
- ²⁴⁶ *Рокоссовский К. К.* Указ. соч. С. 248–249.
- ²⁴⁷ ЦАМО. Ф. 237. Оп. 2757. Д. 71. Л. 7.
- ²⁴⁸ Там же. Ф. 16. Оп. 952. Д. 13. Л. 16.
- ²⁴⁹ *Гудериан Г.* Воспоминания солдата / Пер. с нем. М., 1954. С. 314.
- ²⁵⁰ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1055. Д. 10. Л. 31.
- ²⁵¹ Военная энциклопедия. Т. 4. С. 471.